Каталог
Пустых
Комнат
ИМЕНА
ДАТЫ
ПРИЧИНЫ
ДЕЛО
№
ОЧИЩЕНО
18+

Анна Фролова

Каталог пустых комнат

https://litres.ru/74148889
SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте: вы возвращаетесь домой. Дверь приоткрыта. Вы помните, что запирали. Вы заходите. Внутри ничего не тронуто. Всё на своих местах. Никого.

Вы обходите комнаты — одну за другой, — и каждая пуста. Вы вздыхаете с облегчением. И только потом, много позже, вас настигает мысль: пустота и была тем, кто вошёл.

Эта книга — размышление о безопасности, которая всегда ложна. О двери, которую мы запираем с той стороны, где уже кто-то есть. О добре, которое иногда выглядит как отсутствие зла. О зле, которое научилось притворяться пустотой. И о том, что самые страшные вещи случаются не когда дверь взломана, а когда она была просто не заперта — и кто-то вошёл. И остался.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	37
Глава 5	55
Глава 6	74
Глава 7	95
Глава 8	156

Анна Фролова
Каталог пустых комнат

Глава 1

Лили сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела в телевизор, которого не слышала уже минут двадцать. Диктор бубнил что-то про похолодание, про то, что на севере штата выпал первый снег — слишком рано, даже для здешних мест, — а она держала телефон плечом и слушала, как Эшли, лучшая подруга, в четвёртый раз пересказывает вчерашнее свидание.

— И он говорит: «Я не ищу ничего серьёзного, меня не интересуют долгосрочные отношения». Прямо за ужином, Лил. Я чуть не швырнула в него тарелкой с пастой.

— Может ему просто паста не понравилась? — саркастично сказала Лили. Эшли фыркнула в трубку.

За окном ветер гнал по лужайке перед домом жёлтые листья — один, потом ещё пять, потом целую пригоршню, как будто кто-то швырнул их снизу. Небо было низкое, белёсое, какое бывает только в середине осени на Среднем Западе. Лили смотрела, как соседский пёс, старый золотистый ретривер по кличке Такер, безуспешно пытается поймать лист пастью. Лист уворачивался. Пёс чихнул и сел. Телевизор

тем временем переключился на местные новости. Ведущая, блондинка с безупречной причёской, смотрела в камеру с каменным выражением лица, которое обычно используют для сообщений из рубрики «происшествия».

— «....полиция Литчфилда просит граждан сохранять бдительность. За последние три недели в округе без вести пропали две женщины. На данный момент следствие не усматривает связи между исчезновениями, однако....»

Лили бросила взгляд на экран. Там показывали фотографию: женщина лет тридцати пяти, усталая улыбка, волосы убраны в небрежный пучок. Такие снимки обычно делают на корпоративах — кто-то подошёл сзади, сказал «эй, давай», и она обернулась, не успев принять позу.

— Ты вообще слушаешь? — спросила Эшли.

— Слушаю. Ужин. Паста карбонара. Он идиот.

— Вот именно. Но знаешь, что самое паршивое?

— Что?

— Что я всё равно пойду на второе свидание.

Лили хмыкнула. Она понимала. В Литчфилде с мужчинами было как с погодой в ноябре: ты знаешь, что хорошего не будет, но всё равно выходишь из дома, потому что сидеть внутри вечно невозможно. Городок был из тех, что на карте выглядят точкой, а на деле — несколько больших улиц, две церкви, три кофейни и бесконечное количество взглядов в спину. Население — двадцать две тысячи сто человек, и каждый знает, что ты ела на завтрак. И с кем.

— Ладно, мне собираться, — сказала Лили. — Смена через час.

— Опять до закрытия?

— Ага. Приходи, сварю тебе нормальный кофе. Не то что в «Стирбаксе» в Дулуте.

— Ты просто не была в «Стирбаксе» в Дулуте.

— И не хочу. Всё, пока.

Она сбросила вызов и потянулась. Телевизор продолжал перечислять детали исчезновений — возраст, район, обстоятельства — но она уже не слушала. Вторая женщина, сказала ведущая, работала в библиотеке. Лили никогда не была в городской библиотеке. Она вообще читала мало, разве что меню и сообщения от бывшего на автоответчике. Она встала с дивана и прошла босиком на кухню. На столе лежал вчерашний чек из супермаркета, стояла кружка с остатками чая и валялся телефонный шнур, скрученный в узел, который она распутывала уже неделю. Она открыла кран, набрала воды, выпила стоя.

За окном над крышами висело небо цвета старой фланели — серое, выстиранное, без проблесков. Ветер дёргал ветку клёна, та скребла по стеклу, как вежливый, но настойчивый гость. Она думала об Эшли и её свидании. О том, что двадцать пять — странный возраст: ты уже не девочка, но ещё не взрослая женщина в том смысле, в каком это понимают в банке, когда ты берёшь ипотеку. Ты где-то между. Как октябрь.

Она пошла в спальню переодеваться. Кофейня называлась «У Джун». Никакой Джун там, разумеется, не было — предыдущий владелец купил вывеску на распродаже и решил не менять, потому что новая стоила денег, а старая создавала «атмосферу». Атмосфера заключалась в том, что посетители из приезжих первым делом спрашивали: «А вы Джун?» — и Лили в тысячный раз объясняла, что нет, Джун умерла в восемьдесят третьем, и никто уже не помнит, кто это. Сегодня посетителей было мало. Дождь, который собирался всё утро, наконец прорвался: с неба посыпалась мелкая въедливая морось, от которой волосы завиваются, а настроение падает. Лили стояла за стойкой, протирала кофемашину и смотрела, как капли ползут по витринному стеклу, сливаясь и разбегаясь.

В зале сидел только один человек — пожилой мужчина в кепке с логотипом John Deere, который уже допил свой кофе и теперь просто смотрел в окно. Лили знала его: мистер Хендрикс, живёт через три дома от её матери. Он приходил сюда каждый вторник и четверг ровно в два, заказывал одно и то же и никогда не оставлял чаевых.

Дверь хлопнула, и в кофейню вошла Майя — с опозданием на десять минут, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, с каплями дождя на воротнике.

— Прости, прости, прости, — выпалила она, ныряя за стойку и сразу принимаясь развязывать шарф. — Автобус опоздал, а потом я не могла найти ключи, а потом ещё и

дождь.

— Всё нормально, — сказала Лили. — Тут всё равно никого.

Майя бросила шарф на полку и встала рядом с Лили, поправляя манжеты. Движения у неё были дёрганые, слишком быстрые — так двигаются люди, которые всё время ждут, что кто-то их окликнет или одёрнет. Лили замечала это за ней давно, но не лезла: Майя была из тех, кто улыбается шире, когда не в порядке и любые вопросы об этом воспринимает как вторжение. Они принялись обсуждать вечернюю смену, потом — ремонт дороги на Дулут-авеню, потом — то, что в супермаркете опять подняли цены на молоко. Говорили ни о чём.

— Знаешь, — вдруг сказала Майя, глядя в пол, — иногда мне кажется, что в маленьком городе невозможно построить нормальные отношения. Тут все либо твоя бывшая любовь, либо твой будущий развод. Либо ты знаешь человека с детского сада, и он уже никогда не станет для тебя загадкой.

— В больших городах то же самое, — сказала Лили. — Просто там больше пробок.

— Может быть. Но там хотя бы можно сделать вид, что ты не знаешь, кто кому изменил на прошлой неделе. Лили хотела ответить что-то, но в этот момент Майя потянулась за чашкой, и рукав её кофты задрался. Всего на секунду, но Лили успела увидеть: три синяка на внутренней стороне предплечья, чуть выше запястья — жёлто-фиолетовые, раз-

ной давности. Такие не получают, ударившись о дверной косяк. Их оставляют пальцы.Майя перехватила её взгляд и резко одёрнула рукав. Между ними повисла тишина — плотная, почти физическая. Мистер Хендрикс закашлял в углу. Дождь барабанил по стеклу. Кофемашина издала долгий вздох, как человек, который устал ждать.

— Майя, — сказала Лили тихо и с сожалением посмотрела ей в глаза.

— Не надо, — сказала Майя.

Она смотрела в стену прямо перед собой, и голос у неё был ровный, как стол, за которым они стояли.

— Пожалуйста. Не сегодня.

Лили помолчала. Она знала этот тон — так говорит человек, который каждый вечер запирает дверь перед сном, зная, что зло уже внутри.

— Я здесь, — сказала Лили. — В любую минуту. Днём, ночью. Если что — ты просто звонишь.

Майя кивнула. Она всё ещё не смотрела на Лили. Она смотрела в окно, где октябрьский дождь превращал улицу в размытую акварель — серую, холодную и даже красивую, если не присматриваться. В телевизоре над стойкой — стареньком, подвешенном на кронштейне — снова начались новости. Та же ведущая, та же причёска, та же интонация на грани между тревогой и профессиональным спокойствием. На этот раз показывали карту округа с двумя красными точками — места, где в последний раз видели пропавших жен-

щин. Точки горели на экране, как два непогашенных окурка.

— Как думаешь, — спросила вдруг Майя, всё ещё глядя в окно, — их найдут?

— Кого?

— Тех женщин. Про которых в новостях.

Лили посмотрела на экран. Карта исчезла, теперь показывали брифинг полиции — мужчина в форме стоял перед микрофоном и говорил что-то, что говорят всегда: «отрабатываем все версии», «просим граждан», «пока нет оснований». Она не знала этих женщин. Никогда их не видела. Но что-то в том, как исчезали люди в этом городе заставляло её чувствовать холод не только от погоды.

— Не знаю, — сказала Лили. — Может быть.

Майя наконец повернулась к ней. В её глазах стояло что-то мутное, невыплаканное.

— Я бы хотела, чтобы нашли, — сказала она. — Просто чтобы знать, что кто-то ещё ищет. Это была фраза, которая выдала тревогу Майи. Лили посмотрела на нее сочувственно-тревожным взглядом.

За окном дождь усилился. Листья клёна, ещё вчера золотые, лежали на асфальте мокрой бесформенной массой. Ветер гнал по улице пустой пластиковый пакет — тот кувыркался, как акробат-неудачник, пока не зацепился за водосточную трубу и не затих.

Лили налила себе и Майе по чашке кофе. Они стояли и пили молча, глядя на дождь, и каждая думала о своём. Ли-

ли думала о синяках на руке подруги. О женщинах, которые больше не вернулись домой. О двери, которую она сама запирала каждую ночь, — и о том, что замок в её квартире был старый, дешёвый, такой, который можно открыть кредиткой, если знать как. Она не знала, что одна из тех красных точек на карте — третья, которой ещё не было, — через две недели окажется прямо здесь. В кофейне «У Джун». За пять минут до закрытия. Но это будет потом. А пока — дождь, кофе, тишина. И где-то далеко, на другом конце города, женщина, которую Лили никогда не видела, запирала дверь. Или не запирала. Или дверь была не заперта с самого начала.

Глава 2

Телефон зазвонил в половине седьмого вечера, когда Лили сидела на диване в пижамных штанах и старой футболке, которую не надевала на людях уже года три. За окном снова шёл дождь. Она доедала остатки вчерашней пиццы и смотрела реалити-шоу про людей, которые ремонтируют дома и ссорятся из-за цвета плитки. В этом был своеобразный уют холостяцкой жизни.

— Привет, — сказала Эшли. Голос у неё был весёлый, но причина была слишком очевидна.

— Нет, — сказала Лили.

— Ты даже не знаешь, о чём я.

— По голосу знаю. Ты хочешь, чтобы я куда-то пошла.

— А вот и не знаешь. Что думаешь насчёт того, чтобы встретиться в баре сегодня? Кстати, я буду с Кайлом. Нуу... И... Ещё с нами будет Дэрил.. – осторожно протянула Эшли.

Лили отложила кусок пиццы обратно в коробку и уставилась в потолок. Потолок был старый, с трещиной, которая шла от люстры к углу и напоминала карту неизвестной реки.

— Эшли.

— Лили.

— Мы это уже проходили. Помнишь Марка? Который весь вечер рассказывал про свою коллекцию ножей?

— У него было хобби.

— У него было четырнадцать ножей, Эш. И он назвал их. По именам.

— Ладно, Марк был ошибкой. Но это другое. Кайл говорит, его друг — автомеханик. Серьёзный, взрослый мужчина с работой и без судимостей. В Литчфилде это как выиграть в лотерею.

— Я не хочу выигрывать в лотерею. Я хочу досмотреть, выберут ли они серую плитку или бежевую.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно.

В трубке повисла пауза. Лили слышала, как на заднем плане у Эшли играет радио — что-то из девяностых, кажется, «Goo Goo Dolls». Потом Эшли вздохнула как человек, уверенный, что он желает тебе добра, а ты просто слишком упряма, чтобы это понять.

— Лил, послушай. Ты уже полгода сидишь дома. Ты работаешь, приходишь, смотришь телевизор, спишь. Это не жизнь. Это ожидание жизни. А жизнь — она вот, сейчас. В октябре. В Литчфилде. И она проходит мимо, пока ты выбираешь между серой плиткой и бежевой.

— Там ещё была голубая – меланхолично сказала Лили

— Это, конечно, многое меняет.

Лили закрыла глаза. Она знала, что подруга права. Она действительно слишком много времени проводила одна. И дело было не в том, что ей это не нравилось, — просто ей всегда было невыносимо скучно в обществе идиотов, коих

в городе было достаточно много. И почти каждый из них, почему-то, неизбежно прилипал к Эшли.

— Как его зовут? — спросила она.

— Дэрил. — Эшли оживилась мгновенно, как радио, на котором поймали волну. — Он работает автомехаником, Кайл говорит — нормальный парень. Я сказала ему: если он окажется придурком, я лично оторву тебе уши.

— Уши — это хорошо, — задумчиво сказала Лили. — Но ушей недостаточно.

— Я готова обсуждать другие части тела, но давай после свидания. Встречаемся в «Синей цапле» в семь. Ты, я, Кайл, Дэрил. Будет весело.

— Ты каждый раз так говоришь.

— Потому что каждый раз верю. Все, пока. Увидимся в семь.

Послышались длинные гудки. Отступать было некуда. Лили сдалась. Эшли могла горы сдвигать своим напором, а Лили сегодня напоминала скорее уныло висящий флажок, который колебался от любого дуновения. Куда уж там сражаться. Она посмотрела на пиццу, на телевизор, на трещину в потолке, похожую на реку, текущую в никуда, и пошла в спальню — искать более менее приличные вещи, в которых не стыдно показаться на людях. Лили выпрямила свои красивые каштановые волосы и подвела глаза. Блеск на губах показался ей пошлым и она решила оставить только лёгкий оттенок карандаша. Из зеркала смотрела вполне красивая мо-

лодая женщина, хотя и очень уставшая. Что ж, Эшли была права. Ей точно нужно было развеяться.

Бар «Синяя цапля» стоял на пересечении Третьей улицы и Сансет-авеню уже лет сорок, и все эти годы он притворялся, что находится где-то на побережье, а не в двухстах милях от ближайшего океана. Стены были обиты выцветшими досками, на которых висели рыболовные сети, спасательные круги и фотографии каких-то людей на фоне лодок. В углу стояло чучело цапли — синее, как и обещало название, с длинным клювом, на который кто-то повесил гирлянду из миниатюрных тыкв. Хэллоуин приближался, и бар готовился к нему без особого энтузиазма — просто добавил тыквы туда, где они не мешали.

Лили пришла первой. Она села за угловой столик, заказала светлое пиво и принялась ждать, разглядывая посетителей. Их было немного: пара пожилых мужчин у стойки, компания студентов из колледжа, которые слишком громко смеялись, и кто-то в тёмном углу — она не разглядела лица, только силуэт и раскрытую книгу на столе. Книга в баре — это было странно, но кому было до этого дело.

Эшли впорхнула через пять минут после неё, сияя так, будто весь октябрь был её личным праздником. Рыжие волосы рассыпались по плечам, серые глаза блестели в свете гирлянд. За ней шёл Кайл — высокий, чуть сутулый, с шапкой тёмно-каштановых волос, вечно падающих на лоб, в зелёных, как лето, глазах читалось отражение человека, кото-

рый никогда не задумывается о плохом. Он широко улыбнулся и пожал Лили руку.

— Рад познакомиться. Эшли про тебя столько рассказывала, что я уже чувствую себя твоим другом — улыбаясь сказал он.

— Что именно она рассказывала?

— Что ты умеешь варить лучший кофе в городе.

— Это правда, — без стеснения сказала Лили.

Дэрил появился последним. Он возник из-за спины Кайла, как будто ждал подходящего момента для выхода, и Лили сразу поняла: вечер будет долгим.

Он был ниже Кайла, более коренастый, зеленоглазый шатен, с довольно узкими глазами. У Дэрила было лицо человека, который в школе смеялся над чужими падениями, а потом вырос и не изменился. На переносице сидела россыпь веснушек — слишком мальчишеская для его квадратной челюсти. Он улыбнулся Лили, и в улыбке было что-то, что ей сразу не понравилось: не интерес, а оценка. Как будто он прикидывал, сколько она стоит, и ещё не решил, готов ли платить.

— Так это ты та самая Лили? — сказал он и сел напротив, даже не дожидаясь, пока его представят. — Эшли говорила, ты красивая. Не соврала.

— Спасибо, — сказала Лили. Сухо. Так, как говорят «спасибо» кассиру в супермаркете.

— Что пьёшь? Пиво? Я возьму тебе нормальный напиток.

Девушка не должна пить пиво, от него живот растёт.

Лили переглянулась с Эшли. Та поджала губы и сделала лицо, которое означало: «Я знаю, прости, дай ему шанс».

— Мне нравится пиво, — сказала Лили.

— Значит, ты просто не пробовала хороший коктейль. Я закажу тебе «Секс на пляже».

— Не надо.

— «Секс в машине»?

— Дэрил, — медленно и с выражением сказала Лили, — я буду пить пиво.

Он поднял руки в шутливом поражении — мол, сдаюсь, ты сильная женщина. Но в глазах мелькнуло что-то другое. Раздражение? Нет, скорее азарт. Так смотрит рыбак на рыбу, которая сорвалась с крючка, но всё ещё плавает рядом с лодкой.Они сделали заказ — бургеры и закуски, — и разговор потёк. Кайл рассказывал про свою работу на складе автозапчастей: скучно, но стабильно, неплохо для маленького городка. Эшли поддерживала его шутками, смеялась, трогала его за руку. Лили смотрела на них и вспоминала недавний рассказ об их ужине и его словах. Похоже, что Эшли уже забыла об этом. Что ж, это вполне в её духе. Она вообще никогда не умела долго обижаться.

Дэрил сидел рядом, слишком близко, и комментировал всё подряд: меню, погоду, выбор пива, официантку, которая, по его мнению, «надела юбку на размер меньше, чем надо, но он не жалуется». Лили вежливо улыбалась и считала мину-

ты. К середине вечера Эшли и Кайл ушли танцевать. Танцполом служил пятачок у старого музыкального автомата — там уже топтались три пары, и среди них Эшли смотрелась как огонёк среди серых теней. Лили осталась наедине с Дэрилом. Время стало тянуться ещё медленнее.

— Значит, работаешь в кофейне, — сказал он, придвигаясь ближе. Его колено коснулось её бедра. Она отодвинулась. Он придвинулся снова. — И как, нравится? Много чаевых?

— Хватает.

— Я бы тебе дал чаевые. — с ухмылкой сказал он — Может, и не только чаевые. Его глазки заблестели как у черта. Каким то зловещим огоньком. Так хищник, обычно, смотрит на свою жертву.

Лили глубоко вздохнула и посмотрела в свой бокал. Пива оставалось на донышке. Она допила его одним глотком и встала.

— Мне нужно в уборную, — сказала она и пошла через зал быстрее, чем он успел ответить. В уборной пахло лимонным чистящим средством и чьими-то сладкими духами. То ли от Дэрила, то ли от этого сладкого зараза у Лили закружилась голова и подступила к горлу тошнота. Эшли стояла у зеркала и поправляла свои пышные медные локоны. Когда она увидела недовольное лицо Лили в отражении, её руки замерли.

— Что?

— Твой автомеханик — придурок, — сказала Лили. — И

Кайл тоже придурок, но хотя бы милый. А этот полнейший кретин. Он только что предложил мне «чаевые и не только», и я уверена, что он имел в виду не деньги.

— О господи. Прости. Кайл сказал, он нормальный — воскликнула Эшли, явно расстроившись.

— Ты не виновата. Это моя вина, что я согласилась. В который раз.

— Хочешь уйти? Я пойму.

— Уйду. Но сначала скажу ему всё, что думаю.

Эшли попыталась возразить, но Лили уже вышла. Она вернулась к столику, где Дэрил допивал третье пиво, и потянулась за сумкой.

— Я ухожу. Спасибо за вечер.

Он схватил её за запястье. Не сильно — но достаточно, чтобы она не могла выдернуть руку сразу.

— Слушай, не будь такой букой. Мы же просто развлекаемся. Что, посидеть со мной — это такая пытка?

— Отпусти руку — лицо Лили с ало суровым, а тон голоса жёстче.

— Или что? — Он ухмыльнулся. — Ударишь меня? Ну давай. Будет весело. Ты такая горячая, когда бесишься. Может, тебя просто надо немного расслабить? Я знаю способ. Он дёрнул её за запястье к себе, и его вторая рука — липкая от пива, горячая — легла ей на талию, сжав грубее, чем можно было ожидать. Звук пощёчины вышел сухим, как треск ломающейся ветки. Дэрил отшатнулся, схватившись за щё-

ку. На его лице, на секунду, проступило искреннее изумление, а за ним захлестнула ярость.

— Ах ты...

Он замахнулся. Лили увидела его сжатый кулак, увидела, как Эшли бежит через зал, увидела, как Кайл встаёт с растерянным лицом. Все это происходило будто в слоумо, хотя длилось не дольше двух секунд. Лили зажмурилась и и попыталась увернуться, прикрыв лицо руками. Но удара не было. Она открыла глаза и увидела, что чья-то рука — крепкая, с длинными пальцами — перехватила запястье Дэрила и отжала вниз, спокойно, без усилий, как опускают рычаг.

— Я думаю, леди сказала «уходи», — произнёс голос. Негромкий. Почти ленивый. С лёгким акцентом — может, британским, может, австралийским, Лили не разобрала. Она обернулась. Тот самый парень из угла. Книга всё ещё лежала на его столике — раскрытая, перевёрнутая страницами вниз. Он был выше, чем ей показалось сначала, и старше. Лет тридцать, может, чуть больше. Волосы русые, падающие на лоб. Глаза — светло-голубые, почти прозрачные, как лёд над озером Лич в январе. Одет небрежно: тёмный свитер, джинсы. Он не выглядел опасным, но он был не похож на типичного жителя Литчфилда.

— Не лезь, — прорычал Дэрил. — Это не твоё дело!

— Ты собирался ударить женщину в общественном месте, — сказал парень ровно. — Боюсь, теперь это дело всех, у кого есть глаза и уши.

Подошёл бармен, мужчина лет сорока с лицом человека, который видел слишком много драк и совершенно не хотел в этом участвовать.

— Что здесь происходит?

— Ничего, — сказал парень, отпуская руку Дэрила. — Этот джентльмен как раз собирался уйти. И его друг тоже. Он перевёл взгляд на Кайла. Тот стоял с видом человека, который только что понял, что привёл на вечеринку бомбу, и теперь не знает, куда деваться. Стыд на его лице был почти осязаем.

— Дэрил, пойдём, — пробормотал он. — Вызову такси. Дэрил выдернул руку, сплюнул на пол — бармен поморщился — и пошёл к выходу, бросив на Лили взгляд, полный мутной, недоуменной злобы. Как будто это она его оскорбила и пыталась избить. Кайл двинулся за ним, не попрощавшись. Дверь хлопнула. Эшли подбежала к Лили.

— Ты цела? Он тебя не?..

— Нет. — Лили потёрла запястье. Кожа горела, но кости были целы. — Всё нормально.

Она повернулась к незнакомцу. Тот уже отходил к своему столику, засовывая книгу во внутренний карман тёмно-серого, не по сезону лёгкого пальто. На корешке мелькнуло золотое тиснение, но Лили не успела прочесть.

— Спасибо вам, — сказала она. Он обернулся. Их взгляды встретились, на секунду Лили почувствовала что-то странное, но не прижала этому значения.

— Не за что, — сказал он. — Ты сама справилась. Я просто не дал ему упасть.

— Он не падал.

— Собирался. Сухо бросил незнакомец.

Он накинул пальто и направился к выходу. Проходя мимо, сказал на прощание:

— Постарайся не попадать в неприятности. В этом городе не безопасно. И вышел.

Дождь за дверью всё моросил. Лили смотрела на закрывшуюся дверь, и в голове крутилась только одна мысль: "Хочу домой!"

— Кто это вообще? — спросила она.

Эшли покачала головой.— Без понятия. Но, чёрт возьми, Лил, я тебе должна самый большой в мире латте. И новую жизнь. Без Кайла и его дружков.

— Кайл вполне милый, — сказала Лили. — в отличие от его друзей.

— Это одно и то же. Окружение определяет человека. Так говорила моя мама.

— Твоя мама жила в Литчфилде и никогда не выезжала дальше Дулута.

— И поэтому она знала, о чём говорит.

Они рассмеялись. Едва ли не впервые за весь вечер. Напряжение постепенно сходило на нет. Лили взяла свою сумку, Эшли накинула куртку. Они вышли на улицу и стояли под козырьком, ожидая такси. Дождь и не думал останавли-

ваться, октябрьский воздух пах мокрым асфальтом и прелыми листьями. Гирлянда из тыкв на клюве цапли мигала жёлтым.

— Его глаза, — вдруг сказала Лили.

— Чьи?

— Того парня. Голубые. Как лёд. Ты видела?

— Я видела только, как ты врезала Дэрилу. Это было прекрасно. Жаль, не сняла на видео.

Лили хмыкнула и запрокинула голову. Небо над городом было низкое, серое, подсвеченное оранжевым светом уличных фонарей. Где-то вдалеке прогудел поезд. Такси пришло через десять минут. Вечер оставил неприятное послевкусие и Лили хотелось быстрее попасть домой. Набрать горячую ванну с пеной, чтобы смыть эти воспоминания.

Глава 3

На следующий день после самого неудачного свидания вслепую, которое только могло быть, Лили проснулась с ощущением, что кто-то "переставил мебель" в её голове. Всё было на своих местах, но сдвинуто на пару сантиметров — и от этого мир казался чужим.

Она лежала в постели и смотрела, как за окном наступает хмурое осеннее утро. Свет был серый, процеженный сквозь облака, как вода через старое сито. Ветка клёна всё так же скреблась о стекло — сегодня этот звук будто царапал душу. Лили подумала , что нужно найти инструмент и спилить эту чёртову ветку.

Где-то лаял Такер, лай был тревожный, какой бывает у собак, когда они чуют что-то незнакомое. Она думала о вчерашнем вечере. О Дэриле и его липких пальцах. Звук пощёчины до сих пор звенел в ушах, а полные ярости зелёные глаза всё ещё висели в сознании. Она думала о незнакомце, который появился из ниоткуда и ушёл в дождь, как будто растворился. И о книге, которую он читал в баре, — что за человек читает книгу в одиночестве, в полумраке, под шум пьяных голосов? "Маленький город" — думала Лили, глядя в потолок. Мы думаем, что маленькие города безопасны, потому что все друг друга знают. Но это и есть опасность. Ты знаешь всех, и ты думаешь, что знаешь, чего от них ждать.

А потом кто-то — незнакомец или, того хуже, сосед — делает такое, чего ты не ожидаешь, и весь твой уютный мир трещит по швам, как старая фланелевая рубашка. Дэрил был из местных. И муж Майи, тот, что оставлял синяки на её запястьях, — тоже. И все они ходили по тем же улицам, пили тот же кофе, улыбались тем же кассирам в супермаркете. Безопасность, думала Лили, — это просто история, которую мы рассказываем себе, чтобы спать по ночам.

Она встала, умылась, выпила кофе, который был на удивление гораздо хуже того, что она варила клиентам, и поехала на работу. В кофейне было тихо. Утренние посетители уже разошлись, обеденные ещё не пришли, и в зале сидел только мистер Хендрикс — в своей вечной кепке John Deere, с чашкой остывшего кофе и газетой, которую он не читал. Лили кивнула ему, он что-то буркнул в ответ и уставился в окно. Его взгляд был мутным, но внимательным — как у старого кота, который притворяется спящим. Майя уже была за стойкой. Она стояла спиной к залу и протирала кофемашину — теми же дёргаными, слишком быстрыми движениями, что и всегда. Когда она обернулась, Лили заметила, что под глазами у неё залегли тени, а рукава кофты натянуты до самых костяшек, хотя в помещении было тепло.

— Привет, — сказала Лили. — Как ты?

— Нормально. — Майя улыбнулась, но улыбка была натянутая, чтобы не выдать своё настроение.

— А ты как? Эшли написала, что вчера было бурно.—

Эшли написала?

— Ну да. Сказала, ты дала пощёчину какому-то придурку и кто-то вступился за тебя. Прямо как в кино.

Лили усмехнулась и начала расставлять чашки. Она пересказала вчерашний вечер в деталях и ей пришлось ещё раз погрузиться в эти неприятные воспоминания. В какой то момент подступила тошнота. Майя слушала, кивая, но её глаза скользили мимо, как будто она смотрела не на Лили, а куда-то сквозь. Один раз она вздрогнула от звука упавшей ложки — резко, всем телом, как человек, который ждёт удара.

— Майя, — сказала Лили тихо.

— Я в порядке. Майя посмотрела на неё быстро, исподлобья, и в этом взгляде было что-то затравленное. Но прежде чем Лили успела сказать что-то ещё, начался выпуск новостей: «И снова тревожные новости из Литчфилда. Полиция подтвердила, что за последние сутки в городе пропали двое мужчин. Тридцатисемилетний Майкл Донован и двадцатидевятилетний Роберт Кэссиди не вернулись домой в ночь с субботы на воскресенье. Родственники обратились в полицию сегодня утром. Следствие пока не связывает эти исчезновения с пропажей двух женщин, о которых сообщалось ранее, однако...»

На экране появились фотографии. На одной — мужчина с трёхдневной щетиной и усталой улыбкой, снятый, кажется, на рыбалке. На второй — парень помоложе, с нагловатым лицом и родинкой на щеке. Лили смотрела на них и чувство-

вала, как тревога — та самая, что поселилась в ней после бара, — пускает корни глубже. Двое мужчин. До этого — две женщины. Никакой связи, говорит полиция. Но Лили чуяла: что-то происходит в Литчфилде. Что-то, чего она не могла назвать, но могла почувствовать — как чувствуешь приближение грозы по тому, как меняется воздух. Мистер Хендрикс вдруг встал и подошёл к стойке. Его ботинки проскрипели по полу, и звук был неприятный.

— Ещё кофе, — сказал он.

Лили налила ему кофе. Он стоял слишком близко — ближе, чем нужно, и его взгляд скользнул по Майе, задержавшись на секунду. Лили показалось, что в этом взгляде мелькнуло нечто недоброе, но она не могла понять, что именно. Может, ей просто мерещилось. Может, всё это — тревога, недосып, октябрьская серость.

— Слышали про мужиков, которые пропали? — спросил он, помешивая кофе ложечкой так долго, что от звона металла о керамику начала болеть голова.

— Слышали, — сухо сказала Лили.

— Может, оно и к лучшему.

— Что вы имеете в виду?

Он пожал плечами и недобро улыбнулся.

— Одним больше, одним меньше. В нашем городе итак мало работы и слишком много конкуренции. - сказал Хендрикс.

Он развернулся и пошёл обратно к своему столику. Ли-

ли смотрела ему в спину и чувствовала, как внутри поднимается волна тошноты. От его взгляда. От того, как он посмотрел на Майю. Как на вещь, которую можно оценить и, может быть, когда-нибудь присвоить.Она перевела взгляд на подругу. Майя стояла, вцепившись в край стойки, и лицо у неё было белое, как молоко.

— Майя, ты в порядке?

— Я отойду на минуту — еле шевеля губами ответила она.

Майя ушла в подсобку и вернулась только через десять минут, с красными глазами, но спокойным лицом. Лили не стала спрашивать. Она знала: когда человек готов — он скажет сам. А когда не готов — любые вопросы только загонят его глубже.

Смена тянулась как жвачка, прилипшая к подошве. Посетители приходили и уходили — знакомые люди, обычные заказы. Мистер Хендрикс просидел до четырёх, потом ушёл, бросив на стойку мятые купюры без чаевых. Лили выдохнула, когда за ним закрылась дверь.Ближе к десяти вечера посетителей почти не осталось. Майя мыла посуду в подсобке. Лили стояла за стойкой и смотрела на дождь, который опять зарядил снаружи — мелкий, настырный, бесконечный. В витринном стекле отражался пустой зал: столики, стулья, муляж кекса, который предыдущий владелец зачем-то поставил у входа. И тут дверь открылась.

В зал вошла девушка.Лили сразу отметила, что она выглядела необычно для Литчфилда. Слишком утончённое и

изящное лицо. Она была стройная, высокая, в тёмно-сером пальто, которое сидело на ней с какой-то старомодной элегантностью. Светло-золотистые волосы падали на плечи мягкими волнами — довольно длинные и ухоженные для девушки, которая просто зашла выпить кофе поздно вечером в маленьком городке. Лицо миловидное, почти ангельское: мягкая линия подбородка, аккуратный нос, губы, подчеркнутые бледно-розовой помадой. Но главное — глаза. Большие, красивые, янтарные как мёд, как виски, как осенний лист на просвет.

Она оглядела пустой зал — взгляд задержался на макете кекса, на кривых стульях, на выцветших обоях — и села за столик в углу, тот самый, где днём сидел Хендрикс. Движения у неё были плавные, но точные. Так двигаются люди, которые никогда не делают лишних жестов. Лили подошла.— Добрый вечер. Что будете заказывать?

— Двойной американо, пожалуйста. Голос у неё был мягкий, но не тёплый. Как бархат, который долго лежал в холодной комнате.

— Двойной? В десять вечера?— удивлённо выкинула брови Лили.

Девушка улыбнулась, вежливо, но без усилия. Улыбка не затронула глаз.

— У меня долгая ночь впереди.

Лили учтиво улыбнулась в ответ и не стала задавать лишних вопросов. В конце концов, кофейня существовала для

того, чтобы продавать кофе, а не для того, чтобы судить клиентов за их кофеиновые привычки. Она сварила американо и принесла его к столику.

— Вы приехали в гости? — спросила она, ставя чашку на стол.

— Я много путешествую, в основном, одна— сказала девушка и поднесла чашку к лицу, чтобы вдохнуть аромат свежего кофе.

— И вас занесло в Литчфилд? Обычно сюда не ездят туристы. Слишком серый и скучный город для этих целей.

— Случайность, — сказала девушка, и в том, как она это произнесла, Лили услышала лёгкую иронию.

— Я хотела посмотреть на Средний Запад. Говорят, здесь красивая осень.

— Красивая, — согласилась Лили. — Только в этом году она какая-то серая. Обычно листья ярче.

— Мне нравится серая. В сером больше правды.

Лили не нашлась, что ответить. Девушка поднесла чашку к губам, сделала глоток — и чуть заметно улыбнулась.

— Хороший кофе. Крепкий. Спасибо.

— Сама варила, по фирменному рецепту.

— Я чувствую.

Между ними повисла пауза. Лили вдруг осознала, что стоит у столика дольше, чем обычно стоит официантка, и сделала шаг назад.

— Если что-то понадобится — я за стойкой.

— Спасибо, — повторила девушка. — Мне ничего не нужно. Только кофе.

Лили вернулась за стойку. Майя вышла из подсобки, вытирая руки полотенцем, и кивнула в сторону посетительницы.

— Кто это?

— Проездом. Заказала двойной американо в десять вечера.

— Ночная птица.

— Похоже на то.

Лили повернулась, чтобы убрать чашки в шкаф, и тут что-то изменилось. Сначала она не поняла, что именно. Просто мир поплыл, как будто кто-то выкрутил резкость на минимум. Голова стала тяжёлой, в висках застучало, и перед глазами поплыли тёмные точки. Она схватилась за край стойки.

— Лил? —Голос Майи донёсся как сквозь вату. — Ты в порядке? Ты побледнела.

Лили сглотнула. Во рту был странный привкус — металлический, как будто она лизнула батарейку.

— Что-то голова закружилась. Наверное, устала.

— Ты вчера перенервничала. Лучше иди домой. Я сама закрою.

— Но ещё полчаса

— Ничего. Иди. Я справлюсь.

Лили хотела возразить, но тело отказывалось подчиняться. Ноги были ватные, руки как чужие. Она кивнула, сняла

фартук и пошла в подсобку за курткой. Проходя мимо столика в углу, она бросила взгляд — и замерла. Столик был пуст. Чашка стояла на месте, аккуратно поставленная на блюдце, но девушки не было. Как будто она просто исчезла, растворилась, пока она отворачивалась. Лили выглянула на улицу — никого. Только дождь, жёлтый свет фонарей, и мокрый асфальт, блестящий в темноте. Она на секунду забеспокоилась, но быстро переключилась. У неё не было сил. Она вызвала такси, села в машину и поехала домой, глядя в окно на проплывающие улицы и думая о том, что тревога, поселившаяся в ней после вчерашнего дня, теперь свила себе гнездо у нее в душе.

Дома она приняла душ — горячую воду, почти обжигающую, чтобы смыть с себя этот странный привкус и эту слабость. Стоя под струями, она думала о недавних событиях; о Дэриле, о незнакомце с ледяными глазами, о мистере Хендриксе и его взгляде на Майю, о девушке с янтарными глазами, которая исчезла, как дым, и о том, что Литчфилд — её тихий и безопасный город, больше не казался ей таким. Она легла в постель, даже не включив телевизор. Обычно она засыпала под болтовню ведущих реалити-шоу — чужие голоса успокаивали, как шум дождя. Но сегодня ей нужна была тишина. Полная. Абсолютная. Информационный шум итак негативно повлиял на психику. Нужен настоящий отдых. Сон пришёл тяжёлый, без сновидений. Или она просто их не запомнила.

Утро ударило молотком по вискам.Лили открыла глаза и сразу ощутила тяжесть. Тело было как чужое: тяжёлое, неповоротливое, налитое свинцовой усталостью. Она села на кровати, и комната качнулась — не сильно, но достаточно, чтобы она схватилась за край матраса. В голове звенело, как будто внутри черепа кто-то оставил включённый телевизор на пустом канале — белый шум, помехи, ничего.Она потянулась за телефоном. Десятьть утра. Она проспала. Смена через час.Она набрала Майю. Гудки шли долго, один за другим, и каждый был как шаг в пустую комнату. Никто не ответил. Она сбросила и написала сообщение: «Привет, что-то мне совсем плохо. Можешь меня подменить сегодня?»Минута. Две. Пять.Сообщение не прочитано.Лили нахмурилась и позвонила снова. Гудки, гудки, гудки. Голос автоответчика — бодрый, стандартный: «Абонент недоступен. Оставьте сообщение после сигнала»

.— Майя, это Лили. Перезвони, пожалуйста. Я волнуюсь.

Волнение было не абстрактным. Оно имело форму и вес — как камень, который кто-то положил ей в желудок. Она вспомнила лицо Майи вчера: затравленное, бледное. Вспомнила, как та вздрогнула от звука упавшей ложки. Вспомнила синяки на её запястьях и то, как она одёрнула рукав. Лили подумала о том, что должна была уделить этому больше внимания, а потом вспомнила, что вчера чувствовала себя также паршиво как и сегодня.

Она оделась быстро, почти не глядя на себя в зеркало.

Джинсы, свитер, куртка. Волосы собрала в хвост, не расчёсывая. Завтракать не стала — не было времени, да и аппетит пропал напрочь.Такси пришлось ждать пятнадцать минут. В эти минуты Лили мерила шагами тротуар у дома, глядя на серое небо и мокрые листья, облепившие асфальт. В голове крутилось одно и то же: «Перезвони. Пожалуйста, перезвони».Когда машина свернула на Третью улицу, Лили почувствовала запах. Запах беды. Она не могла объяснить, что это значит, но знала его. Так пахнет воздух перед грозой. Так пахнет тишина в доме, где что-то случилось.

Кофейня «У Джун» появилась из-за поворота — и Лили похолодела. Жёлтая лента. Она опоясывала весь фасад здания, от двери до угла, натянутая между столбиками, которые кто-то вбил в спешке. Полицейские машины — две, нет, три — стояли у входа, и их мигалки заливали улицу красно-синим цветом. Толпа зевак — человек двадцать, не меньше — стояла на другой стороне, прижимая к груди бумажные стаканчики с кофе из соседней закусочной и перешёптываясь. Литчфилд ещё не привык к зрелищам такого масштаба.

Лили выскочила из такси, не закрыв дверь, и побежала к ленте. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

— Туда нельзя, мэм, — сказал полицейский у входа. Молодой, с прыщавым лицом и слишком серьёзными для его возраста глазами.

— Я здесь работаю. Что случилось? Где Майя?

— Вы знаете Майю?

— Я здесь работаю! — повторила она, и голос сорвался почти на крик. — Мы с ней вчера закрывались! Что случилось?!

Полицейский замешкался и обернулся, ища взглядом кого-то старшего. Из дверей кофейни вышел мужчина в штатском — немолодой, с уставшим лицом и глазами, которые, казалось, видели слишком много, чтобы чему-то удивляться.— Вы коллега Майи? — спросил он.

— Да. Лили. Лили Мартин. Мы работаем вместе. Она не отвечает на звонки. Что с ней?Лили очень боялась услышать ответ, но неизвестность пугала ее ещё больше.

Он посмотрел на неё тем особым взглядом, каким полицейские смотрят на людей перед тем, как сообщить что-то плохое. Лили знала этот взгляд. Она видела его в кино, в сериалах, в новостях. Она никогда не думала, что он будет направлен на неё.— Майя Харрис пропала, — сказал он. — Сегодня утром её муж пришёл домой и обнаружил, что дверь открыта, а её нет. На работе она не появилась. Мы проверяем камеры, опрашиваем свидетелей. Вы были последней, кто её видел?

Лили не ответила. Она не могла. Звуки исчезли — уличный шум, голоса, мигалки. Всё это схлопнулось в одну точку, и осталось только слово, которое повторялось и повторялось в голове, как заевшая пластинка: пропала, пропала, пропала. Она стояла на тротуаре перед кофейней, вцепившись в жёлтую ленту, и смотрела на дверь, через которую они с Майей

выходили вчера вечером. Дверь была приоткрыта. За ней — пустота.И в этой пустоте, где-то на границе сознания, мелькнуло лицо девушки с янтарными глазами. Двойной американо. «У меня долгая ночь впереди».Лили не знала, связаны ли эти вещи. Она вообще ничего не знала. Но тревога внутри теперь расправила крылья и билась о рёбра, как птица в клетке.

Глава 4

Яркий солнечный свет залил всю спальню. Утро выдалось, на удивление, теплым. Такая погода казалась неуместной, в связи с произошедшим. Воздух в комнате был плотным. Напряжение витало в воздухе, не давая вдохнуть полной грудью. Лили с трудом поднялась с постели. Голова болела как с похмелья. Не без труда она добралась до ванной. Из зеркала на нее смотрело опухшее и заплаканное лицо. Глаза были красные. Она рыдала в подушку всю ночь, занимаясь самобичеванием и прокруткой самых жутких сценариев, на которые только было способно ее сознание. Потребовалось довольно много времени, чтобы привести себя хоть в какой-то порядок.

Полицейский участок Литчфилда располагался в здании, которое когда-то было почтой. На фасаде до сих пор висела выцветшая табличка с орлом, и он смотрел на посетителей с таким выражением, будто сам не верил, что дожил до таких времён.

Внутри пахло старым линолеумом, растворимым кофе и чем-то ещё — может, бумажной пылью, может, страхом. Страх вообще имеет запах, и в полицейских участках он въедается в стены, как сигаретный дым в обивку дешёвого мотеля.

Лили сидела в комнате для допросов уже двадцать ми-

нут. Комната была маленькая, квадратная, выкрашенная в серо-бежевый цвет. Максимально отталкивающий. Вероятно, для большего психологического эффекта, ибо долго находиться в такой комнате просто невозможно. Стол, три стула, на стене — часы, которые громко отсчитывали минуты. Тик. Так. Тик. Так. Время тянулось как жвачка, прилипшая к подошве. На столе стоял стакан с водой. Лили не притронулась к нему. Вода была тёплая, с радужной плёнкой на поверхности — такое бывает, когда воду наливают в пластик и оставляют стоять слишком долго.

Дверь открылась. Вошёл тот самый мужчина в штатском, которого она видела вчера — детектив, и она наконец разглядела его как следует. Мужчина лет пятидесяти, может, чуть старше. Лицо — как карта жизни: морщины-тревоги, шрам над бровью — то ли авария, то ли драка, то ли просто неудачное падение в гололёд. Глаза серые, как февральское небо над Миннесотой. Он представился как детектив Ковальски, извинился за опоздание и сел напротив, положив на стол папку.

— Мисс Мартин, — сказал он — Спасибо, что пришли. Я понимаю, это трудный день.

Лили кивнула. Голос не шёл. В горле стоял ком, который она не могла ни проглотить, ни выплакать.

— Я задам вам несколько вопросов о Майе Харрис. О том, что вы видели. Постарайтесь вспомнить всё. Даже то, что кажется неважным.

Лили снова кивнула. Она расскажет. Она постарается. Хотя в данную минуту ей это кажется почти невозможным

Допрос длился час или больше. Время в комнате без окон течёт иначе — то растягивается как жвачка, то сжимается в точку. Ковальски задавал вопросы тихо, методично, без нажима. Он был из тех, кого называют "добрый коп". Ждёт, когда ты сам скажешь больше, чем собирался.

— Майя говорила о муже?

— Нет. То есть не прямо.

— Может вы замечали какие то детали или намеки в ее словах? Вам ничего не казалось странным в ее поведении?

— Она вздрагивала. От громких звуков. От неожиданных движений. Я видела синяки. На запястьях. Она одёргивала рукава.

Ковальски записал что-то в блокнот. Его лицо не изменилось, но Лили заметила, как побелели костяшки пальцев, держащих ручку.

— Почему она не заявляла?

— Я не знаю. Она не говорила. Я спрашивала — вернее, пыталась, — но она закрывалась. Говорила: «Всё нормально». Знаете, как говорят, когда всё совсем не нормально? — Лили невольно поежилась. Ее бросало в жар от мысли, что она могла не допустить этого, но ничего не сделала.

Ковальски кивнул. Потом он рассказал ей то, что знал сам. Камеры видеонаблюдения — в кофейне их было две, одна над стойкой, другая над входом. На записи было видно: Лили

уходит, вызывает такси, трёт виски, как человек, у которого внезапно разболелась голова. Майя машет ей рукой. Потом Майя закрывает кассу, выключает свет в подсобке, надевает куртку. Идёт к двери. И тут — замирает. Поворачивает голову. Как будто кто-то её окликнул. За кадром. За дверью. Она улыбается — не испуганно, скорее удивлённо, — выходит на улицу, даже не закрыв дверь до конца. Как будто вышла на минуту. Как будто кто-то знакомый позвал её, и она не подумала, что уходить без ключей — плохая идея. На этом запись заканчивалась. Дальше — только пустой тротуар, дождь, жёлтый свет фонарей. И дверь, которая медленно открывается от ветра.

— Мы обыскали дом, — сказал Ковальски. — Нашли следы крови на одежде мужа. Это её кровь. Группа совпадает. Он утверждает, что это старая ссора, что она сама порезалась, когда готовила. Но мы задержали его для выяснения.

Лили посмотрела на свои руки. Руки дрожали. Она сжала их в кулак, но дрожь не прошла.

— Вы знали, что он её бил? — спросил Ковальски тихо.

— Я догадывалась.

— Почему не сообщили?

И вот тут Лили подняла глаза. В них стояли слёзы — злые, горячие, они жгли веки, но она не давала им пролиться.

— Потому что она просила не сообщать. Потому что я думала — она сама решит, когда будет готова. Потому что я боялась, что если я вмешаюсь, он сделает хуже. Я думала, у

меня есть время....

Ковальски закрыл блокнот. Сказал какие то дежурные фразы и отправил заплаканную девушку домой. Допрос дался ей слишком тяжело.

Лили вышла из участка в холодный октябрьский день. Воздух был холодный и влажный — такой воздух бывает только осенью на Среднем Западе. Он пах прелыми листьями, выхлопными газами и близким снегом. Она остановилась на ступеньках, прислонилась к перилам и впервые за час глубоко вдохнула. Телефон в руке был тёплый. Она набрала номер матери. Гудок. Второй. Третий. И потом — родной голос, чуть встревоженный, как всегда в последнее время:

— Лили? Что случилось?

— Мам — Голос сорвался. Она не планировала плакать, но слёзы потекли сами. — Мам, Майя пропала. Моя Майя. Из кофейни. Её муж... там кровь... я только что из участка.

Мать ахнула. На заднем плане отец что-то спрашивал — Лили слышала его голос, низкий, встревоженный: «Что? Что с Лили?» — и от этого заботливого рокота стало чуть легче. Совсем чуть-чуть — как будто кто-то накинул одеяло на плечи в холодной комнате.

— Мы приедем, — сказала мать. — Мы прямо сейчас выезжаем!

— Нет, не надо. Я сама. Я на выходные приеду. Просто просто поговори со мной. Скажи что-нибудь. Что угодно.

И она говорила. О соседях — миссис Гейбл, у которой

опять сбежал кот, и она расклеила объявления по всему кварталу; о том, что отец наконец починил водосток; о том, что в супермаркете подняли цены на яйца; о погоде; о чём угодно. Лили слушала, закрыв глаза, и голос матери был как якорь — он держал её здесь, в этом мире, не давал уплыть в ледянящую реальность.

Вечером пришла Эшли. Она не звонила заранее — просто появилась на пороге с бутылкой виски в одной руке и пакетом китайской еды в другой. Рыжие волосы были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Серые глаза смотрели встревоженно, но она старалась держаться бодро, ради Лили.

— Я не знаю, что положено приносить в таких случаях, — сказала она, проходя в квартиру и ставя бутылку на стол.

— Но мой папа всегда говорил: если не знаешь, что делать, принеси виски.

— Твой папа — мудрый человек.

— Мой папа — алкоголик, но да, местами мудрый.

Они сели на диван. Тот самый диван, где Лили три дня назад, но теперь это казалось другой эпохой — смотрела реалити-шоу про ремонт и спорила с Эшли про серую и бежевую плитку. Сейчас телевизор работал без звука, и на экране мелькали кадры местных новостей. Лили налила виски в две стакана и они выпили молча, глядя на экран. А потом там появилась фотография Майи. Это была та самая фотография, которую Лили сделала в прошлом году на корпора-

тивной вечеринке: Майя смеялась, её волосы были распущены, и она выглядела счастливой. По-настоящему счастливой, не так, как в последние месяцы, когда её улыбка была едва заметной. Теперь эта фотография стала официальной. Фотографией пропавшего человека. Лили смотрела на экран, и солёные слёзы текли по её лицу. Она не вытирала их.

— Я должна была что-то сделать, — сказала она. Её голос был тихим, как шёпот в пустой церкви. — Я видела синяки. Я слышала, как она говорит «всё нормально» таким голосом, каким говорят люди, у которых всё не нормально. И я ничего не сделала.

Эшли обняла её — крепко, до хруста.

— Ты не виновата. Слышишь? Ты не виновата. Ты предлагала помощь. Она не взяла. Это её выбор. Ты не можешь спасти того, кто не хочет быть спасённым.

— Может, я плохо предлагала.

— Может. А может, она была слишком напугана, чтобы согласиться. Мы не знаем. Мы никогда не узнаем. Но ты не чёртов экстрасенс, Лил. Ты просто человек.

Они сидели так долго. Виски кончился, китайская еда остыла. За окном снова зашуршал дождь — всё тот же бесконечный октябрьский дождь, который делает унылыми и без того мрачные дни.

Время странно тянулось и сливалось в одну единую линию. Минуты, часы, дни, недели. Лили просыпалась, смотрела в потолок и думала: зачем вставать? Но она вставала. Пи-

ла кофе, который не чувствовала на вкус. Принимала душ, который не смывал ощущение тяжести. Ходила по квартире, касаясь вещей, как будто они могли исчезнуть, если она отвернётся.

Хозяин кофейни — его звали Фрэнк Олсен, лысеющий мужчина с вечно испуганными глазами бассет-хаунда — звонил каждый день. Кофейня закрыта. Жёлтая лента всё ещё висит. Полиция всё ещё работает. Когда откроемся? Бог знает. И Лили слышала в его голосе не только тревогу о бизнесе, но и что-то человеческое — он знал Майю пять лет, она пекла ему пирог на день рождения, она была не просто сотрудницей.

Через неделю после исчезновения жёлтую ленту сняли, дверь открыли, и Лили снова надела фартук и встала за стойку. Это было странно — как надевать старую одежду, из которой вырос. Вроде всё то же самое, но жмёт в плечах. В тот день в «У Джун» пришло много народу. Литчфилд — маленький город, и в нём работал старый, как мир, механизм: когда случалась беда, все приходили. Не чтобы помочь — чтобы посмотреть. Чтобы узнать подробности. Чтобы постоять рядом с трагедией и почувствовать себя живыми. Лили знала это и не осуждала. Люди так устроены. Она сама была такой же. Миссис Гейбл, та самая соседка, у которой вечно сбегал кот, принесла домашний пирог с вишней и сказала: «Бедная девочка, я молюсь за неё каждую ночь». Мистер Томпсон из хозяйственного магазина долго тряс Лили руку и

спрашивал, нет ли новостей. Две девушки из местной школы — Лили даже не знала их имён — оставили на стойке букет хризантем и быстро ушли, как будто стеснялись собственного сочувствия. И среди всей этой толпы Лили заметила её не сразу, а когда заметила, внутри что-то дёрнулось: сидела она. Девушка с янтарными глазами. Та самая, которая исчезла в тот вечер. Снова за тем же столиком в углу, с чашкой двойного американо. Как будто ничего не случилось. Как будто мир не рухнул. На этот раз Лили подошла к ней сама.

— Вы вернулись, — сказала она.

— Вернулась, — сказала девушка, и её голос был ровным, как гладь озера в безветренный день.

— Вы знаете, что здесь произошло? — Знаю. В новостях показывали.

Лили стояла у столика и не знала, что говорить дальше. Ей хотелось спросить: «Почему вы исчезли в тот вечер?» или «Почему вы вернулись?» или «Кто вы такая?» Но вместо этого она сказала: — Вы тогда ушли так быстро. Я даже не попрощалась.

— Вам было плохо. Я не хотела беспокоить.

— Откуда вы знаете, что мне было плохо?

— Вы побледнели, — сказала девушка спокойно. — И схватились за стул. Это было заметно.

Лили смотрела на неё — на её золотистые волосы, на её миловидное лицо. Она выглядела как юная студентка , но ее взгляд был совершенно не похож на взгляд молодой девуш-

ки.

— Как вас зовут? — спросила Лили.

— В прошлый раз вы не сказали. Девушка подняла глаза. Янтарные. Большие. Выразительные.

— Агнесс, — сказала девушка.

— Красивое имя, — сказала она. — Редкое.

— Старое, — сказала Агнесс, и в её голосе мелькнула та же ирония, что и в прошлый раз.

— Почему вы здесь? В Литчфилде? Я спрашивала в прошлый раз, но вы не ответили.

— Я ищу кое-что, — сказала Агнесс. Она сделала глоток кофе, и её глаза не отрывались от Лили. — Или кое-кого.

— И как, нашли?

— Пока нет. Но я близко. Лили хотела спросить ещё что-то, но в этот момент за стойкой зазвенел колокольчик — кто-то из посетителей ждал заказ. Она извинилась и отошла, а когда через пять минут обернулась — столик был пуст. Только чашка с остатками кофе. И смятая салфетка.

В тот вечер Лили боялась идти домой. Она стояла у дверей кофейни, уже в куртке, с ключами в руке, и смотрела на тёмную улицу. Фонари горели жёлтым. Дождь опять моросил. Где-то вдалеке лаяла собака. Тени сгущались за каждым углом, и каждая тень могла быть чем-то опасным.

Она вызвала такси. Дома заперлась на все замки — верхний, нижний, цепочку, которую никогда раньше не вешала. Проверила окна. Включила свет во всех комнатах. И при-

няла решение: на выходные она уедет к родителям. Прочь из Литчфилда. Прочь из этой квартиры, где тишина звенит в ушах. Прочь от этого города, который стал слишком тесным и слишком тёмным. Она снова и снова прокручивала в голове тот злополучный вечер: Майя, которая машет ей рукой, Майя, которая закрывает кассу, Майя, которая выходит за дверь, улыбаясь, как будто кто-то знакомый позвал её по имени. Лили пыталась вспомнить: слышала ли она голос? Видела ли тень за стеклом? Но каждый раз, когда она пыталась сосредоточиться, волнение накрывало её с головой, как волна, и она захлёбывалась слезами. Это было похоже на попытку прочитать книгу под водой — буквы расплывались, смысл ускользал. Она думала о муже Майи. О том, как он выглядел — она видела его пару раз, когда он заходил за Майей после смены. Обычный мужчина. Обычное лицо. Обычные руки — руки, которые, как выяснилось, умели бить. Почему Майя молчала? Почему не ушла? Почему не заявила? Эти вопросы крутились в голове, как заезженная пластинка, и на каждый был один ответ: она боялась. И Лили знала этот страх. Не такой же, но похожий. Страх, что будет хуже. Страх, что никто не поможет. Страх, что ты одна. И всё же , что-то не давало ей покоя. Как будто была какая-то деталь, которая не вязалась с общей картиной. Майя вышла из кофейни в форме — даже не переоделась. Как будто собиралась вернуться через минуту. Она не взяла сумку. Не взяла ключи. Не заперла дверь. Кто мог позвать её так, что она бро-

сила всё и вышла в дождь, не думая о последствиях? Муж? Она боялась его — стала бы она улыбаться, услышав его голос? Нет. Тогда кто? И в голове Лили, как осколок стекла, застряла мысль: а что, если те исчезновения — женщины, мужчины, — что, если все они связаны? Что, если по Литчфилду ходит кто-то, кого никто не замечает? Кто-то, кто зовёт по имени, и ты выходишь, не думая, не сомневаясь, как под гипнозом?

Родители Лили жили в соседнем городе, Стронглэнде, на тихой улице в северной части города, где дома стояли пореже, а деревья росли погуще. Осень здесь была красивее, чем в центре Литчфилда: дубы и клёны ещё не сбросили листву, и она горела красным и оранжевым, как будто деревья подожгли изнутри. Дом был старый, деревянный, с крыльцом, на котором отец поставил две тыквы к Хэллоуину — одна ухмылялась, другая хмурилась. Мать встретила Лили на пороге и обняла так крепко, что у той затрещали рёбра. Отец стоял чуть поодаль — он всегда был не очень умелым в проявлении чувств, но его глаза сказали всё, что он не мог выразить словами.

— Ты похудела, — сказала мать. — Ты вообще ешь?

— Ем, мам.

— Что ты ешь? Кофе? Кофе — это не еда.

Лили улыбнулась — впервые за много дней. Она провела у них два дня. Два дня без телевизора, без новостей, без негатива, который витал в воздухе Литчфилда. Мать пекла

яблочный пирог — тот самый, по семейному рецепту, с корицей и мускатным орехом. Отец показывал, как починил водосток, и рассказывал, что собирается красить сарай весной. Они пили чай на веранде, закутавшись в пледы, и смотрели, как ветер гоняет листья по лужайке. И на какое-то время Лили забыла. На второй день она решила выйти, прогуляться, подышать свежим воздухом. Она сказала, что хочет сходить в библиотеку.

— Библиотеку? — Мать удивилась. — Ты?

— Да, мам. Я вообще-то умею читать. — почти серьезно сказала Лили.

— Я знаю. Просто ты в последний раз была в библиотеке, когда тебе было двенадцать, и ты забыла сдать «Гарри Поттера».

— Я исправляюсь.

Центральная городская публичная библиотека стояла на углу пятой улицы и сансетстрит — здание из красного кирпича, построенное ещё в двадцатых годах на деньги какого-то филантропа, чьё имя никто уже не помнил. Внутри пахло старой бумагой, воском для полов и временем — у времени, оказывается, тоже есть запах: сухой, чуть пыльный, как страницы книги, которую не открывали сто лет. Лили прошла между высоких стеллажей, вдыхая этот запах, и почувствовала, как тревога немного отступает. Здесь было тихо. Здесь было спокойно. Книги на полках стояли ровными рядами, как солдаты, которые никуда не уходят. Она про-

шла в читальный зал — и замерла. За дальним столом, склонившись над книгой, сидел он. Тот самый парень из «Синей цапли», который заступился за нее. Он поднял глаза, и Лили снова поразилась тому, какие они светлые. Голубые, но не летние — зимние. Как лёд на озере Лич в январе. Как небо, когда мороз выжигает из него всю синеву.

— Это ты, — сказала она. Глупо. Но других слов не нашлось.

— Я, — сказал он и закрыл книгу. — А ты, я смотрю, последовала моему совету?

— Какому?

— Не попадать в неприятности. В библиотеке их меньше, чем в баре. По крайней мере, обычно. Лили усмехнулась.

— Я рада видеть тебя, — сказала она. — Я все думала, встречу ли тебя ещё раз, чтобы поблагодарить.

— Ты уже поблагодарила.

— Нет, я сказала «спасибо» на бегу. Это другое. Лили испытывала некое стеснение в его присутствии. Это было странно, и в некоторой степени неуместно.

Он кивнул — медленно, как будто обдумывал её слова. — Присядешь? — Он указал на стул напротив. — Или ты здесь по делу?

— Я здесь, чтобы успокоиться, — сказала Лили, садясь. — Мне казалось, атмосфера библиотеки поможет. Глупо?

— Не глупо. — Он смотрел на неё внимательно, и в его взгляде было что-то, чего она не могла расшифровать. — Я

здесь по той же причине.

— Конечно здесь видеть тебя с книгой намного уместнее, чем в баре. Ты вообще везде читаешь? — съязвила Лили

— Да. Постоянно сидеть дома — скучно.

Лили улыбнулась. Он улыбнулся в ответ и его лицо изменилось, стало моложе.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Алекс.

— Лили.

— Я знаю. Ты представлялась в баре.

— Разве? Я не помню.

— Ты была занята. Давала пощёчину. Она фыркнула. Получилось почти смешно.

— Ты знаешь о том, что случилось? — спросила Лили. — В кофейне «У Джун»?

— Слышал. Девушка пропала. Твоя коллега?

— Майя. Моя подруга. — Голос Лили дрогнул, но она справилась. — Её муж... его задержали, нашли кровь на одежде. Но я не знаю. Что-то в этой истории не сходится.

— Что именно?

— Она вышла из кофейни так, будто её позвал кто-то знакомый. Улыбалась. Не взяла сумку. Не заперла дверь. Если бы это был муж — она бы не улыбалась. Она его боялась.

Алекс молчал. Он смотрел на Лили — очень внимательно и спокойно. Потом сказал:

— Ты думаешь, в городе происходит что-то ещё. Это был

не вопрос.

— Да, — сказала Лили. — Я думаю, в городе происходит что-то ещё. И мне страшно.

Они помолчали. В библиотеке было тихо — только часы на стене отсчитывали секунды, и где-то вдалеке шуршала страницами пожилая женщина в синем кардигане.

— Может, выпьем кофе? — спросил вдруг Алекс.

— Тут рядом есть «Стирбакс». Я слышал, там неплохой кофе.

Лили поморщилась, но согласилась. Они вышли из библиотеки. Дождь наконец перестал, и сквозь облака пробивалось робкое солнце — не яркое, но настоящее. Они шли по улице и Лили вдруг поняла, что впервые за много дней ей не хочется оглядываться через плечо. Может, дело было в дневном свете. Может — в присутствии Алекса, который шагал рядом, засунув руки в карманы пальто, и молчал так уверенно, что молчание не казалось неловким.

«Стирбакс» был именно таким, каким Лили его представляла: зелёные кресла, запах ванили, бариста с бейджиком «Кейтлин», которая улыбалась слишком широко для человека, работающего в воскресенье. Алекс заказал американо, Лили — латте. Они сели у окна и смотрели, как за стеклом течёт жизнь — машины, прохожие, женщина с коляской, мальчик на велосипеде.

— Кофе неплохой, — признала Лили, делая глоток. — Но мой лучше.

— Верю, — сказал Алекс. — Придётся как-нибудь зайти и проверить.

— Приходи. Когда всё уляжется.

— Уляжется, — сказал он, и в его голосе прозвучала странная уверенность. Не надежда. Именно уверенность. Как будто он знал что-то, чего не знала Лили. Она хотела спросить — что? — но не спросила. День был слишком хорош, чтобы портить его вопросами, на которые, возможно, нет ответов.Они болтали о пустяках. О погоде. О книгах, которые Алекс читал — он увлекался историей, особенно тёмными её периодами, о которых в школе не рассказывают. О Литчфилде и его странных жителях. О том, что Алекс недавно в городе, снимает маленькую квартиру на окраине и пока не решил, останется ли надолго.

— Ты загадочный, — сказала Лили. — Появляешься из ниоткуда, читаешь книги в баре, пропадаешь под дождём.

— А ты наблюдательная, — ответил он.

— Это плохо?

— Это хорошо. Наблюдательные живут дольше.И снова — это выражение в его глазах. Что-то глубокое, что-то тёмное,то чего она не могла понять. Когда они попрощались, день уже клонился к вечеру. Лили возвращалась к родителям, и в голове у неё крутилась мысль: этот человек знает больше, чем говорит. Но она не могла решить, пугает её это или успокаивает.

Ночью ей снилась Майя. Она стояла в дверях кофейни и

махала рукой. И за её спиной — в темноте — стоял странный силуэт. Это было воспоминание или просто сон?

Глава 5

Лили вернулась в Литчфилд в воскресенье вечером. Автобус, которому на вид было лет сто, высадил её на остановке у почты. Из под красной краски, кое где, проглядывала ржавчина, а сидения были неудобными, со старой обивкой. Вероятно, в маленькие города частенько отправляли отработанный материал из мегаполисов. Осенний воздух колол лицо и освежал запахом скорого снега. Лили поёжилась, застёгивая куртку до подбородка. Два дня у родителей пролетели очень быстро и оставили ощущение дома внутри, тёплое воспоминание, которое боишься спугнуть. Но реальность неизбежно возвращалась — серая, холодная, с жёлтыми разводами фонарей на мокром асфальте.

Она дошла до дома, проверила замки — все три, включая цепочку, — включила свет и села на диван. Квартира встретила её тишиной, и тишина эта больше не казалась ей безопасной, скорее даже пугала, потому что в тишине громкость тревожных мыслей становилась максимальной.

На следующее утро она включила телевизор — и пожалела об этом раньше, чем диктор открыла рот: «…полиция Литчфилда подтверждает: список пропавших пополнился ещё одним именем. Двадцатитрёхлетняя Эмили Коулмен не вернулась домой в субботу вечером. Девушка работала официанткой в ресторане Cristall и, по словам коллег, поки-

нула заведение около полуночи…»

На экране появилась фотография; красивая молодая девушка, светлые волосы, забранные в высокий хвост, слегка наивная улыбка — та, что бывает у тех, кто ещё не знает, что мир может быть настолько жестоким. Лили смотрела на неё и чувствовала, как внутри что-то обрывается — тонко, как нить, на которой держалась последняя надежда. Пятая. Пятая за месяц.Она выключила телевизор, но тишина стала ещё громче.

Вечером она шла с работы — задержалась допоздна, потому что напарницу пока ещё не нашли, а одной справляться довольно сложно, — и уже у поворота на свою улицу заметила его. Волна горячего жара прокатилась по телу Лили и сменилась волной холода. Дэрил. Это был Дэрил. Он стоял на другой стороне дороги, прислонившись к фонарному столбу. Руки в карманах куртки. На губах — та же ухмылка, которую Лили помнила слишком хорошо, чтобы принять за случайную. Он смотрел на неё — прямо, без стеснения. Пристально смотрел ей прямо в глаза. Его лицо не выражало эмоций. Так смотрит хищник на жертву, когда готовится напасть. Его появление явно не было случайным. Конечно он за ней следил и это стало так же ясно как и то, что он не имел никаких добрых намерений, особенно учитывая их прошлую встречу.

Лили не знала как поступить правильно, но она приняла решение не бежать. Она не хотела давать ему понять, что

боится его, хотя сердце бешено колотилось у нее в висках. Лили с трудом заставила себя идти ровным шагом — спина прямая, подбородок поднят. Она шла не оборачивалась, не смотрела по сторонам. Просто шла : шаг, ещё шаг, ещё, — пока не захлопнула за собой дверь подъезда. Дома она прижалась спиной к стене и несколько минут просто дышала. Тревога нарастала с бешеной скоростью. В какой-то момент она почувствовала себя загнанной в угол. В эту же минуту дом перестал казаться ей безопасным местом и двери тоже не внушали доверия. Для бешеного зверя это не может быть серьезной преградой. Она достала телефон. Пальцы дрожали, но она всё же набрала номер подруги и поставила на громкую связь:

— Эшли привет. Ты не спишь? Можешь со мной поговорить пожалуйста.

— Привет, Лил. Нет, все нормально. А что случилось? У тебя странный голос. Все в порядке?

— Нет, кажется я не в порядке. Я сейчас видела Дэрила возле дома. У него был такой странный вид.

— Господи, а что он делал возле твоего, Лил? Ты уверена, что не обозналась?

— Конечно! После того, что я пережила в баре, его лицо так и стоит перед глазами. Но... Я не понимаю откуда он узнал мой адрес? Неужели Кайл дал ему? Но зачем?

— Я и сама не понимаю. Он мне ничего не говорил об этом. В этом нет никакого смысла. Я поговорю с ним и спро-

шу. Как только узнаю, то сразу сообщу тебе об этом.

— Спасибо, Эш. Просто я итак на нервах от всего происходящего и тут он. У меня чуть ноги не подкосились. Это последний человек, которого я хотела бы видеть — голос Лили звучал неуверенно и взволнованно.

— Не волнуйся. Ты дома и ты в безопасности. Дэрил конечно редкостный придурок, но я не думаю, что он станет вдумываться в квартиру.

— Хорошо бы... Вот Майя тоже не думала, что ее муж способен на такие вещи...

— Лили, прекрати пожалуйста. Даже не думай сравнивать и впадать в панику. С тобой все будет хорошо! Я разберусь с этим, обещаю! А теперь ложись спать и выброси из головы все эти глупости — уверенно сказала Эшли.

— Хорошо, мне и правда нужно отдохнуть. Пока.

Лили внимательно посмотрела в глазок и никого не обнаружив , немного успокоилась. Она сняла с себя верхнюю одежду, потом униформу, нижнее белье и прошла в душ. Струи горячей воды били в лицо и стекали по коже. Это лучшее успокоительное для человека, который испытал резкий выброс адреналина и кортизола. Казалось, что теплая вода смывала все тревоги, страхи и весь этот ужасный вечер. Лили просто стояла под душем минут десять и только потом смогла наконец помыться. Выйдя из душа, она закуталась в свой большой махровый халат и сделала себе успокаивающий чай с ромашкой.

Лили включила телевизор, чтобы не чувствовать себя одиноко. На фоне шел фильм о дикой природе. Диктор увлеченно рассказывал о повадках гепардов в дикой саванне и о жизни улиток в тропиках, и о гиппопотамах и что то ещё, что ускользнуло от невнимательного слуха Лили. Она глубоко погрузилась в свои размышления. В ее голове путались и родились мысли о Майе, о Дэриле, о пропавшей молодой девушке, о незнакомцах в Литчфилде. Об опасности и самообороне. Она думала о том, что чувство безопасности, в котором она так счастливо прожила 26 лет, было ложным. Знала ли Майя с первого взгляда, что ее мужу нельзя верить? Знала ли она, что он настолько жесток? Можно ли вообще с первого взгляда определить: хороший человек или плохой? В случае с Дэрилом у нее это получилось, однако, является ли это гарантией того, что ничего не произойдёт? Лили не понимала как вести себя в такой ситуации и что это все значит. Все эти мысли заставили ее чувствовать себя неуютно и страх снова овладел ею.

Она взяла в руки телефон и непослушными пальцами набрала сообщение: «*Алекс. Привет. Это Лили. Ты не мог бы встретить меня завтра с работы? Пожалуйста. Я знаю, это странная просьба, но я… мне страшно*».

Ответ пришёл через три минуты:

«*Конечно. Во сколько заканчиваешь?*»

Она выдохнула, понемногу вернулся контроль над мыслями и она расслабилась. То ли от того, что согрелась и успо-

коилась, то ли от чая с ромашкой, она уснула прямо в кресле, поджав ноги.

На следующий день Алекс ждал её у дверей кофейни. Стоял в своём неизменном тёмном пальто, засунув руки в карманы, и смотрел, как дождь рисует круги на лужах. Лили вышла, зябко кутаясь в шарф, и он повернулся к ней с тем выражением лица, которое она уже начала узнавать: внимание, помноженное на спокойствие.

— Ты выглядишь так, будто увидела привидение, — сказал он.

— Хуже. Я видела живого человека. Того, который ко мне приставал в баре. Дэрила. Он стоял у моего дома.

Алекс сосредоточенно нахмурился.— Расскажешь по дороге?

Они пошли по Третьей улице в сторону набережной. Дождь прекратился, но воздух оставался влажным — он лип к лицу, как мокрая марля. Город был тихий, почти пустой. Литчфилд вообще рано засыпал, а теперь, после всех исчезновений, улицы пустели ещё раньше.Лили рассказала всё, что так тревожило её: про Дэрила, про новую пропавшую, про постоянный, изматывающий страх, который стал её тенью.

— Ты знаешь историю этого города? — спросил Алекс, когда она закончила.

— Естественно. Обычная история; лесопилка, фермеры, Хэллоуин в восемьдесят пятом, когда кто-то украл тыкву мэ-

ра. А что?

— Не совсем обычная. — Он помолчал, как будто решая, с чего начать. — Литчфилд основали в тысяча семсот семьдесят втором году. В первые двадцать лет здесь пропали без вести больше тридцати человек. Никто не связывал исчезновения между собой — люди думали: дикие звери, несчастные случаи, сбежавшие жёны. А потом нашли останки в лесу, у старого русла Мельничного ручья. Оказалось, что местный мясник, кстати уважаемый человек и староста церковного хора, заманивал путников к себе в сарай. Его повесили, но на этом ничего не кончилось.

— В смысле — не кончилось? Лили почувствовала как мерзкий холодок пробежал по ее спине.

— В тысяча девятьсот двадцатом — ещё один. Коммивояжёр. Четыре жертвы. В пятьдесят седьмом — школьный учитель, который, как выяснилось, коллекционировал не только бабочек. В девяносто четвёртом — женщина, хозяйка пансиона, которая травила постояльцев. Лили, за сто пятьдесят лет в этом городе и его окрестностях было поймано больше серийных убийц, чем в иных крупных мегаполисах.

Лили остановилась. Они как раз дошли до моста через Мельничий ручей — того самого, о котором говорил Алекс. Вода внизу была чёрная, маслянистая, как нефть. В ней едва отражались унылые уличные фонари. Лили смотрела в нее и ей казалось, что бездна окутывает ее. На секунду ей померещились лица в этой воде, но она отвернулась и они исчезли.

— Почему? — спросила она. — Почему здесь?

— Никто не знает точно. Есть теории. Одна — географическая: Литчфилд стоит на перекрёстке дорог, которые вели на север, в шахты, и на юг, к портам. Много приезжих. Много тех, кого не станут искать. Вторая — социологическая: маленький город, все друг друга знают, уровень доверия высокий. Жертва сама открывает дверь. Третья… — Он запнулся. — Третья мне нравится меньше всего. Некоторые исследователи считают, что зло притягивает зло. Что есть места, где оно концентрируется.

— Как инфекция.

— Как что-то вроде. — Он посмотрел на неё, и в его глазах отражались огни моста. — Ты спрашивала, почему люди это делают. Жестокость. Убийства. Я много читал об этом. Хочешь знать?

— Да. — Её голос был тихим, но твёрдым.

— Есть нейробиологическое объяснение, — сказал он. — В девяностых учёные сканировали мозг серийных убийц и нашли кое-что общее: пониженная активность в префронтальной коре и повышенная — в амигдале. Первая отвечает за контроль импульсов и эмпатию. Вторая — за страх и агрессию. У них буквально сломана система, которая говорит «нельзя». Но это не всё. — Он прислонился к перилам моста. — Есть исследования про эффект свидетеля: чем больше людей вокруг, тем меньше вероятность, что кто-то поможет жертве. Есть эксперименты Милгрэма про подчи-

нение авторитету — обычные люди, которым приказали бить током незнакомца, делали это, даже когда слышали крики. Есть Стэнфордский тюремный эксперимент — студенты, которых поставили надзирателями, за шесть дней превратились в садистов. Жестокость — не исключение. Она — возможность, которая есть у каждого.

— Это пугает.

— Должно. Но есть и обратная сторона. — Он повернулся к ней. — Ты дала пощёчину Дэрилу. Ты не побоялась. Кто-то другой на твоём месте мог бы замереть, но ты — нет. Это тоже нейробиология, только другая. У одних префронтальная кора молчит. У других — работает даже под давлением.

— И что определяет, у кого как?

— Воспитание. Генетика. Случай. — Он пожал плечами. — Мы всё ещё очень мало знаем о мозге. Однако, могу с уверенностью сказать только одно: чудовища существуют и они среди нас— глаза Алекса сверкнули недобрым огоньком.

Они пошли дальше. Мост остался позади, его огни дрожали в чёрной воде. Лили думала о том, что сказал Алекс, — она не могла понять до конца: этот разговор успокоил ее или напугал ещё больше? У её дома Алекс остановился.

— Провожу до двери, — сказал он. — И подожду, пока ты закроешься изнутри.

— Это не обязательно.

— Обязательно.

— Если так пойдет и дальше, то мне придется платить те-

бе зарплату как телохранителю — иронично сказала Лили и улыбнулась. Алекс ухмыльнулся едва заметной улыбкой.

Она поднялась на крыльцо, открыла дверь, обернулась. Он стоял на тротуаре — высокий, в своём тёмном пальто, — и свет фонаря падал на его лицо, делая его старше и строже.заостоеннве черты лица придавали ему аристократичности. Она впервые заметила, что он достаточно хорош собой.

— Спасибо, — сказала она. — За всё. За разговор., за то, что встретил.

— Я сделаю это снова. Если нужно — сказал Алекс и очень пристально посмотрел в глаза. В его взгляде появилась какая то новая эмоция.

— Может быть, нужно— тихо сказала Лили.

Он кивнул и ушёл в темноту, в сторону своего одинокого жилья на окраине. А Лили закрыла дверь, заперла все замки и прислонилась лбом к холодному дереву. Сердце всё ещё колотилось, но теперь не от страха. Она думала о нём. О том, как он говорит — спокойно, но без равнодушия. О том, как слушает не перебивая, не оценивая. О том, как смотрит прямо в душу, своими голубыми как лёд глазами, которые внезапно перестали казаться ей холодными. Ей показалось — или она действительно чувствовала к нему что-то? Симпатию? Интерес? А может, нечто большее, чему она пока не могла подобрать имя? В животе порхали бабочки — глупо, совсем как в старшей школе, когда Трэвис Хансен из параллельного класса впервые взял её за руку.Она позвонила

Эшли.

— Ты влюбилась, — сказала Эшли, дослушав её сбивчивый рассказ. — Я знаю этот тон. У тебя голос как у человека, который только что съел целую коробку пончиков и теперь не знает, стыдно ему или радостно.

— Я не влюбилась. Я просто… он другой.

— Вот именно. «Он другой» — это первая стадия. Вторая — «он особенный». Третья — «я хочу от него детей». Четвёртая — «он храпит, и я его убью». Проверено.

Лили рассмеялась. Настоящим, живым смехом. Ей стало так легко в этот момент, что она забыла о недавних переживаниях.

— Серьёзно, Лил, — продолжала Эшли. — Ты заслуживаешь кого-то хорошего. Правда, мы не знаем насколько хорош этот Алекс. Впрочем, он спас тебя от Дэрила. Это уже весомый аргумент. Но, в наше время никому нельзя доверять.

— Ты права. Эта фраза вернула Лили в реальность и романтический флёр улетучился как запах духов на ветру.

Ночью зазвонил телефон.Лили проснулась не сразу — сначала ей показалось, что телефон звонит во сне. Там было что-то про Майю, про жёлтую ленту, про допрос. Но звонок не умолкал, и она села в постели, пытаясь нащупать телефон в темноте. Номер был незнакомый. Даже код оператора был ей неизвестен. Она ответила:

— Алло. Кто это?

Тишина. Не та тишина, когда связь прервалась, — другая. Живая. В ней кто-то был.

— Алло? — Голос у неё был хриплый от сна. Дыхание. Медленное, размеренное. Кто-то слушал. Кто-то был там, на том конце, и слушал её дыхание в ответ. Лили похолодела. Не метафорически — физически. Как будто кто-то приложил лёд к её затылку.

— Кто это? — спросила она.

Дыхание продолжалось. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. А потом — тишина. И гудки.Она положила трубку. Руки дрожали. Телефон снова зазвонил — тот же номер. Она не ответила. Звонок оборвался. Тишина. И через минуту — сигнал сообщения.

«*Будь хорошей девочкой*».

Она смотрела на экран, и буквы расплывались перед глазами. Телефон снова завибрировал.

«*Я так люблю смотреть, как ты спишь*».

Лили хотела закричать. Наружу вырвался короткий, сдавленный всхлип. Она вскочила с кровати и заметалась по комнате, включая свет везде — в спальне, в коридоре, в ванной, на кухне. Это не помогло, потому, что тьма была не снаружи, она была здесь. Лили набрала номер Эшли.

— Приезжай. Пожалуйста. Сейчас.

Через двадцать минут Эшли была у неё. С ней был Кайл — сонный, взъерошенный, но с решимостью во взгляде. Он держал в руках бейсбольную биту, и Лили, увидев её, чуть

не рассмеялась истерически.

— Ты что, собираешься убивать маньяка битой? — спросила она.

— Я не знаю, что делать с маньяками, — честно ответил Кайл. — Но с битой мне спокойнее.

Они сидели на диване всю ночь. Эшли держала подругу за руку. Кайл пил кофе и смотрел телевизор. Лили рассказывала — про звонок, про сообщения, про Дэрила, про всё. И с каждым словом страх немного отступа, потому что она была не одна.

Утром они все вместе пошли в участок. Детектив Морлок выслушал их, записал номер — и через полчаса сообщил: такого номера не существует. Сим-карта была оформлена на подставное лицо, а скорее всего — вообще не оформлена. Одноразовая. Такие продают в супермаркетах за наличные, без паспорта. Конец следа.

— Мы примем заявление, — сказал Морлок устало. — Но вы должны понимать: пока нет прямой угрозы, мы мало что можем сделать. Патруль будет проезжать мимо вашего дома чаще. Это всё.

«Всё». Это слово звенело в ушах Лили, пока они выходили из участка. Она взяла выходной. Фрэнк поворчал, но, услышав её голос, сразу согласился. Сидеть дома, однако, оказалось ещё страшнее. Каждый звук был шагами. Каждая тень за окном — человеком. Она ловила себя на том, что смотрит на дверь — просто смотрит, не отрываясь, как буд-

то ожидая, что ручка повернётся сама собой. Она позвонила Алексу.

— Мне страшно, — сказала она без предисловий. — Прошлой ночью кто-то звонил. Дышал в трубку. Прислал сообщения. Он знает, где я живу. Он смотрел, как я сплю. Я написала заявление в полицию, но не знаю, что из этого получится.

На том конце повисла пауза — короткая, но ёмкая.

— Я сейчас приеду, — сказал Алекс. И положил трубку.

Лили выдохнула. Сначала — облегчение. Он едет. Он будет здесь. А потом — новая волна страха, на этот раз другая. Она ведь почти не знала его. Пара встреч, несколько разговоров. Что вообще ей о нём известно? Имя. То, что он читает старые книги. То, что у него голубые глаза и тихий голос. Разве этого достаточно, чтобы доверять? Разве этого достаточно, чтобы пускать его в дом, когда она одна и напугана? Она снова набрала Эшли.

— Ты не могла бы прийти? С ночёвкой?

— Конечно. А что с Алексом?

— Я ему тоже позвонила. Он едет.

— Лил, — в голосе Эшли мелькнула тревога, — ты уверена? Мы его не знаем.

— Знаю. Поэтому и звоню тебе. Приходите с Кайлом. Устроим… не знаю. Совет безопасности.Эшли хмыкнула.

— Звучит как начало плохого фильма ужасов. Но я приду.

Они собрались в гостиной втроём: Лили, Эшли и Алекс.

Кайл не смог — работал в ночную смену. На журнальном столике стояла бутылка виски и три стакана. Телевизор работал без звука — местные новости, что-то про погоду, про школьный совет и новый светофор на грин авеню. Лили сидела, поджав ноги, и крепко держала руками стакан.

— Знакомьтесь, — сказала она.

— Алекс, это Эшли. Эшли, это Алекс.

— Тот самый, — сказала Эшли, разглядывая его с откровенным любопытством. — Из бара. И из библиотеки.

— Я становлюсь местной достопримечательностью, — сказал Алекс.

— Просто в Литчфилде новые люди появляются раз в сто лет. Это всегда бросается в глаза.

Они пили виски и говорили. О том, что происходит в городе: о пропавших, о Майе и её муже, который до сих пор был под стражей, но которого, кажется, вот-вот должны были отпустить — улик было мало, а прямых доказательств убийства не было вовсе.

— Это не он, — сказала Лили. — Я не знаю, кто. Но не он. Майя бы не стала ему улыбаться.

— А тот звонок? — Эшли подалась вперёд. — Это может быть он? Муж?

— Зачем ему звонить мне? Мы даже не были знакомы толком.

— В конце концов, ты давала показания против него. А нет, погоди, он же ещё в участке.

— Или это Дэрил, — сказала Лили мрачно. — Я же видела его у дома. Он стоял и смотрел.

— Дэрил — идиот, — сказала Эшли. — Но маньяк? Он слишком труслив для этого. Кстати, Кайл не давал ему твой адрес. Возможно он просто следил за тобой от кофейни. Конечно, это тоже странно.

Алекс молчал. Он сидел в кресле у окна, и его лицо было в тени. Когда он заговорил, его голос был тихим — таким тихим, что им пришлось замолчать и прислушаться.

— Дело не в том, кто это конкретно, — сказал он. — Дело в том, что в этом городе всегда кто-то есть. Я говорил Лили: Литчфилд — странное место. Оно как воронка. Затягивает.

— Ты серьёзно веришь, что тут какое-то проклятие? — спросила Эшли.

— Я не верю в проклятия. Я верю в закономерности. В статистику. В историю. — Он отпил виски. — Здесь всегда что-то происходило. И сейчас происходит. Вопрос в том, кто на этот раз.

И тут Лили перевела взгляд на телевизор.На экране была ведущая новостей, её лицо было бледнее обычного. Она читала текст, но звука не было, и Лили потянулась за пультом, чтобы прибавить громкость:

«…шокирующие новости: сегодня утром в лесополосе у старого русла Мельничного ручья были обнаружены тела. Полиция подтверждает: найдены останки всех пропавших за последний месяц. По предварительным данным, причи-

ной смерти стало…»Ведущая запнулась — всего на долю секунды, но это была та самая запинка, которая говорит больше, чем слова.«…насильственные действия. Характер повреждений указывает на то, что мы имеем дело с умышленным убийством. Все жертвы были изуродованы. Полиция воздерживается от дальнейших комментариев до завершения экспертизы. Имена жертв будут опубликованы после опознания».

Лили смотрела на экран, и комната плыла перед глазами.Тела. Нашли тела. Всех. Изуродованы. Убийство.Она перебирала в голове список пропавших. Две женщины, двое мужчин. Майя и Эмили — шестая, но её, кажется, ещё не нашли. Или нашли? Ведущая сказала — «всех пропавших за последний месяц». Эмили пропала позавчера. Значит…Имя Майи не прозвучало. Майи не было в списке. Майя пропала позже. Значит — она не среди найденных? Или просто ещё не опознали? Мысль была холодной и острой, как лезвие.

Эшли прижала ладонь ко рту.— Господи… — прошептала она. — Лил… ты понимаешь, что это значит?

— Да, — сказала Лили, и её голос прозвучал глухо, как через подушку. — В городе появился серийный маньяк.

Алекс отставил стакан. Его лицо ничего не выражало — то есть выражало ровно столько, сколько он позволял. Но пальцы сжались в кулак. Лили заметила это — заметила, как побелели костяшки, — и что-то в этом жесте сказало ей больше, чем любые слова.

— Вы двое, — сказал он, — не должны оставаться одни. Ни на минуту. Пока его не поймают, не ходите по одиночке, не открывайте двери незнакомым, не разговаривайте с незнакомцами

— Ты говоришь как полицейский, — заметила Эшли.

— Я говорю как человек, который читал отчёты о том, что находят на месте таких преступлений — голос Алекса был серьёзен, а взгляд мрачным.

Эшли вздрогнула. Они сидели до глубокой ночи, строя предположения — одно страшнее другого. Кто это? Местный? Приезжий? Кто-то, кого они знают? Кто-то, кто каждый день заходит в кофейню, заказывает латте и улыбается? Когда Эшли уснула на диване, завернувшись в плед, Лили подошла к окну. Алекс стоял рядом.

— Ты тоже думаешь, что это местный? — спросила она тихо.

— Я думаю, — сказал он, глядя в темноту за стеклом, — что если бы я хотел найти преступника в этом городе, я бы начал с того, кто здесь давно. С того, кто знает лес. С того, кто не привлекает внимания.

— Старый?

— Не обязательно. Просто незаметный.

Лили смотрела на своё отражение в окне — большое карие глаза с уставшим взглядом и бледное перепуганное лицо. За ним, в темноте, ветки опять серебро по стеклу. Где-то далеко лаяла собака. И ей казалось, что тьма за окном смот-

рит на неё снаружи.

Глава 6

"Я больше не могу оставаться одна".

Эта мысль пришла к Лили не сразу — она прорастала медленно, как сорняк сквозь асфальт. Сначала был просто дискомфорт: слишком громкое эхо собственных шагов в пустой квартире, слишком пристальное внимание к теням по углам. Потом — привычка проверять замки трижды перед сном и ещё раз посреди ночи, когда просыпалась в холодном поту от кошмаров. А потом это стало невыносимым — как зубная боль, которую больше нельзя заглушить таблетками.

Страх поселился в ней основательно. Он просыпался вместе с ней по утрам, пил её кофе, надевал её одежду и шёл за ней по улице, держась на полшага позади. Лили ловила себя на том, что вздрагивает от каждого сообщения, что изучает лица прохожих дольше, чем обычно. Она совсем перестала слушать музыку в наушниках — ей нужно было слышать, что происходит вокруг.

Работа, которая раньше была убежищем, теперь пугала не меньше. Кофейня «У Джун» с её жёлтыми стенами и запахом корицы стала местом преступления — и пусть жёлтую ленту давно сняли, Лили всё ещё видела её. Она видела её на дверном косяке, на краю стойки, на спинке стула, где сидела Майя в тот последний вечер. Каждый раз, когда звякал колокольчик над входом, Лили поднимала голову с замира-

нием сердца. Ей всё казалось: сейчас войдёт Майя — в своей синей куртке, с этой её извиняющейся улыбкой, — и скажет: «Прости, я задержалась».

Но, увы, она так и не пришла.

Она была растеряна как человек, у которого отняли будущее. Не большое, глобальное будущее — а то маленькое, повседневное, которое состоит из привычек и ритуалов. Раньше она знала: завтра будет среда, она пойдёт на работу, сварит кофе, поболтает с Майей о пустяках, вернётся домой, включит телевизор. Теперь она не знала ничего. Завтра было пустым — как комната, из которой вынесли мебель.

В полиции ей ничем не помогли. Детектив Морлок был вежлив, но беспомощен. Номер, с которого звонили, не отслеживался. Сообщения пришли с одноразовой сим-карты. Патруль проезжал мимо её дома дважды за ночь — и это всё, что они могли предложить. «Если увидите что-то подозрительное — звоните». Лили хотелось спросить: а что считать подозрительным? Человека, который стоит под фонарём и смотрит на твои окна? Тень, которая движется, когда все остальные тени неподвижны? Или весь этот город, который притворяется нормальным, а сам…

Она не додумала эту мысль. Она вообще старалась не додумывать мысли до конца — это было слишком страшно.

Алекс позвонил в четверг.

— Я тут подумал, — сказал он, и его голос звучал чуть более буднично, чем обычно, — тебе нужно отвлечься. В ки-

нотеатре в Дулуте идёт какой-то популярный фильм. Говорят, не шедевр, но попкорн вкусный. Согласна?

Лили помолчала, прижимая трубку к уху. За окном несильный ветер раскачивал жёлтые верхушки деревьев. Она немного задумалась, глядя на них. Кинотеатр в Дулуте означал сорок минут на автобусе, незнакомое место, незнакомых людей, тёмный зал. Но также это означало Алекса рядом — а рядом с ним страх почему-то становился тише. Не исчезал, но сворачивался клубком в углу и засыпал.

— Да, — сказала она. — Давай. Мне и правда стоит развеяться, иначе я сойду с ума.

Кинотеатр назывался «Орфеум» и был из тех старых, ещё довоенных, с лепниной на потолке и бархатными креслами, которые помнили зрителей Великой депрессии. Это местная достопримечательность . Особенно для любителей архитектуры и антиквариата. Вестибюль освещали хрустальные люстры, чуть пожелтевшие от времени, и их свет падал на ковровую дорожку мягкими янтарными пятнами. Пахло попкорном, маслом и чем-то ещё — может, пылью, которая копилась в складках портьер десятилетиями. В углу стояло пианино — самое настоящее, с пожелтевшими клавишами и табличкой «Не играть»; Лили подумала, что табличка появилась именно потому, что кто-то когда-то играл, и, возможно, играл прекрасно, а возможно — ужасно, и владельцы решили не рисковать.

Алекс купил билеты и два больших попкорна — солёный

и карамельный, смешав их в одном ведёрке. Лили посмотрела на эту мешанину с сомнением, но попробовала и признала: что-то в этом есть. Солёное и сладкое одновременно. Как сама жизнь в последнее время.

Фильм назывался «Полуночная жатва» — из тех вампирских триллеров, где кровь льётся рекой, но сюжет держится на честном слове. Главный герой — мрачный аристократ с бледным лицом и старомодными манерами — выслеживал жертв в современном мегаполисе. Лили смотрела рассеянно, больше следя за игрой теней на лице Алекса, чем за происходящим на экране. Но одну сцену она запомнила: вампир стоял у окна небоскрёба и смотрел на город внизу. «Они думают, что хищники обитают в саванне, — говорил он закадровым голосом. — Но на самом деле ,самые опасные хищники ходят на работу, сидят на сайтах знакомств, заходят в кафе, улыбаются официанткам и заказывают двойной эспрессо».

Лили поймала себя на том, что смотрит на Алекса. Он сидел, чуть подавшись вперёд, и его светло-голубые глаза были прикованы к экрану неожиданно пристально. Он не просто смотрел фильм — он его изучал, как изучают документ или улику. Когда вампир на экране вонзил клыки в шею жертвы, Алекс даже не моргнул. Только пальцы его правой руки чуть сжались на подлокотнике — Лили заметила это потому, что её собственные пальцы лежали на соседнем подлокотнике, почти касаясь его.

Позже, когда они вышли в прохладный вечерний Дулут и

пошли по набережной — озеро Лич лежало внизу, тёмное и плоское, как антрацит, — Лили спросила:

— Мне показалось или ты действительно увлекаешься вампирами?

— В каком смысле?

— Ну, книги,фильмы и т.д Просто ты смотрел с таким интересом, как будто это документалка.

Алекс усмехнулся — коротко, одними уголками губ.

— Просто вампирская мифология — интересная штука. Ей несколько тысяч лет, и почти каждая культура имеет свою версию. Кровососущие демоны в Месопотамии. Цзянши в Китае. Асванг на Филиппинах. Люди всегда боялись тех, кто пьёт кровь. Это архетипический страх. Как страх темноты. Как страх, что кто-то смотрит на тебя, пока ты спишь.

Последние слова он произнёс тише, и Лили вздрогнула — не от холода, хотя ветер с озера был пронизывающим.

— Странно, что ты об этом заговорил, — сказала она. — Мне как раз кажется, что за мной кто-то следит.

— Тебе не кажется. За тобой действительно кто-то следит. — Он повернулся к ней и посмотрел прямо. — Но сейчас я рядом. И пока я рядом, с тобой ничего не случится.

И она поверила ему. Потому, что его голос звучал с той особенной, редкой убеждённостью, которая не нуждается в доказательствах.

Вечер пятницы принёс новости — одну хуже другой.

Муж Майи вышел на свободу. Морлок позвонил Лили

лично — она не ожидала этого, но оценила. Кровь на рубашке, объяснил он усталым голосом, оказалась недостаточной уликой. Экспертиза установила, что брызги могли образоваться при ударе, но адвокат настоял: Майя могла порезаться сама, а муж мог пытаться ей помочь, и рубашка испачкалась при этом. Свидетелей избиения не было — только соседи, слышавшие крики, но крики в семейной ссоре ещё не доказывают насилия. Прямых улик не нашли. Дело против него развалилось за неимением состава.

— Мы не снимаем с него подозрений полностью, — добавил детектив, и Лили слышала в его голосе ту особую смесь горечи и профессиональной беспомощности, которая бывает у людей, вынужденных играть по правилам, в которые они сами не верят. — Но держать его под стражей больше не можем.

Повесив трубку, Лили долго сидела на диване, глядя в одну точку. Она думала о Майе — о том, как та одёргивала рукава. О том, как вздрагивала от резких звуков. О том, как виновато улыбалась, когда Лили спрашивала, всё ли в порядке. И о том, что теперь её муж — человек, который, скорее всего, ломал ей рёбра и оставлял синяки на запястьях, — свободно ходит по улицам Литчфилда. Дышит тем же воздухом. Заходит в тот же супермаркет.

Она не знала, что чувствовать. Гнев? Печаль? Ужас? Все эти чувства смешались в одно — тягучее, тёмное, — и она просто сидела, не двигаясь, пока за окном не стемнело.

Эшли приехала вечером. Они сидели на кухне, и Лили рассказывала — сбивчиво, перескакивая с одного на другое:

— Я не могу так больше, — сказала она наконец. — Я просыпаюсь и первое, о чём думаю — не «доброе утро», а «жива ли я ещё». Я проверяю замки по пять раз. Я боюсь идти на работу, боюсь возвращаться с работы, боюсь оставаться дома. У меня ощущение, что моя жизнь больше мне не принадлежит. Что её занял кто-то другой.

Эшли слушала, помешивая чай ложечкой. Звяк, звяк, звяк — монотонный, успокаивающий звук. Потом отставила чашку и сказала:

— Переезжай ко мне.

— Что?

— Временно. Пока не поймают этого урода. У меня диван, две комнаты, Кайл ночует не каждый день. Будешь жить у меня, пока всё не уляжется.

— Я не хочу тебя стеснять.

— Лил. — Эшли накрыла её ладонь своей. — Ты моя лучшая подруга. Если тебя убьют, я этого не переживу. Чисто из эгоистических соображений — переезжай.

Лили улыбнулась — впервые за день. Улыбка вышла бледная, но настоящая.

— Хорошо. Только у меня одно условие.

— Какое?

— Ты перестанешь меня сватать.

— Думаю, что пока претендентов достаточно —многозна-

чительно улыбнулась подруга.

На следующий день Эшли разговаривала с Кайлом. Они сидели в «Синей цапле» — в том самом баре, где началась вся эта история с Дэрилом. Эшли вертела в пальцах пивную подставку, разрывая её на мелкие кусочки. Бармен косился на неё с молчаливым неодобрением.

— Я волнуюсь за Лили, — говорила Эшли. — Она сама не своя. Ходит как привидение. Вздрагивает от каждого звонка. Я понимаю — то, что случилось с Майей, эти звонки, сообщения… Но меня беспокоит другое. Зачем Дэрилу следить за ней?

— Дэрил — придурок, — сказал Кайл, помешивая соломинкой в стакане. — Это мы уже выяснили.

— Придурок, да. Но следить за девушкой, которая дала ему пощёчину? Это не просто придурок. Это какая-то одержимость.

Кайл помолчал. Потом отставил стакан и посмотрел на Эшли с тем выражением лица, которое она научилась распознавать за месяцы их отношений: он хотел что-то сказать, но не знал, как.

— Что? — спросила она. — Ты что-то знаешь.

— Я не уверен, что это важно.

— Кайл.

— Ладно. — Он вздохнул. — Дэрил уволился. Пару недель назад. Просто не вышел на работу и перестал отвечать на звонки. Я пытался его найти — телефон отключён,

квартира пустая. Соседи говорят, съехал.

— Съехал? Куда?

— Никто не знает.

Эшли уставилась на него. Это было странно — более чем странно. В Литчфилде люди не съезжали просто так. Здесь корни врастали глубоко, как у дубов. Здесь жили поколениями.

— Вы же были друзьями, — сказала она. — Ты должен знать, куда он мог поехать.

— В том-то и дело, Эш. — Кайл потёр переносицу. — Мы не были друзьями. Я знал его по работе, мы пару раз выпивали после смены. Он казался нормальным — ну, не совсем нормальным, конечно, но кто из нас нормальный? А потом я начал вспоминать… Он никогда не рассказывал о себе. Ну, то есть вообще. Я не знаю, где он живёт , точнее жил. Не знаю, откуда он приехал. Я знаю только, что у него когда-то была семья.

— Семья?

— Жена и ребёнок. Дочка, кажется. Они погибли. Несчастный случай — то ли пожар, то ли авария, он не вдавался в детали. Это всё, что он рассказал. Один раз. И попросил больше не спрашивать.

Эшли почувствовала, как холодок пробежал по спине — не тот страх, что она испытывала за Лили, а что-то другое. Что-то похожее на жалость, смешанную с тревогой.

— То есть он потерял семью, — сказала она медленно,

— и теперь следит за Лили. Ты думаешь это как то связано между собой?

— Я не знаю. Я не психолог.

— Но это ненормально. Ты понимаешь, что это ненормально?

Кайл кивнул.

— Поэтому я и пытался его найти, Эш. Не для того, чтобы с ним выпить. А чтобы спросить, какого чёрта он делает.

Вечером Эшли пересказала всё Лили — слово в слово, стараясь не упустить ни детали. Лили слушала, обхватив себя руками, как будто пыталась удержать тепло. В комнате было тихо, только холодильник гудел на кухне да дождь шуршал за окном — он зарядил снова, мелкий и настырный.

— Жена и ребёнок, — повторила Лили. — Погибли. И он теперь…

— Мы не знаем, что он теперь. Может, он просто уехал. Может, запил. Может, лежит в канаве где-нибудь. Но пока мы не узнаем точно, я бы предпочла, чтобы ты не ходила одна.

Лили кивнула. Решение переехать к Эшли внезапно показалось не просто разумным — единственно возможным.

— Алекс будет встречать меня с работы, — сказала она. — Я попросила.

— Отлично. Значит, у нас есть план. Временное жильё, личный телохранитель и запрет на ночные прогулки. Звучит как начало романа ужасов, но ладно.

Лили попыталась улыбнуться, но не вышло.

В кофейне, между тем, дела шли неважно. Фрэнк Олсен — лысеющий, с глазами бассет-хаунда и привычкой теребить край фартука, когда он нервничал, — расхаживал по залу и бормотал себе под нос цифры. Выручка упала на сорок процентов. Посетителей было мало — город боялся. Жители Литчфилда, раньше заходившие в «У Джун» по три раза в день, теперь предпочитали варить кофе дома. Жёлтая лента, даже снятая, всё ещё висела в воздухе — невидимая, но ощутимая.

— Ты понимаешь, что это значит? — говорил Фрэнк, обращаясь не столько к Лили, сколько к чучелу щуки над дверью. — Сорок процентов! Это катастрофа! Ещё месяц — и я не смогу платить за аренду. Ещё два — и я закроюсь. Люди думают, что здесь опасно. Они связывают кофейню с убийством. Это ужасный пиар, Лили!

— Это не пиар, Фрэнк, — сказала Лили гневно. — Здесь правда пропал человек. Моя подруга!

Фрэнк замер. Он был не злым человеком — просто испуганным. Испуганные люди часто говорят глупости, а потом стыдятся их.

— Прости, — сказал он тихо. — Я знаю. Просто я переживаю за своё дело. Бизнес — это всё, что у меня осталось, понимаешь? Ты же и сама знаешь, что это фамильное дело, которое годами передавали по наследству.

Лили понимала, но это было меньшее, что волновало ее.

На следующей неделе Фрэнк сообщил, что нашёл нового человека. Девушку. Двадцать лет, студентка колледжа, нужны деньги. Зовут Мэл.

"*Довольно необычное имя для здешних мест"* — подумала Лили.

Мэл оказалась именно такой, какой она представляла её по голосу в телефонной трубке — и одновременно совершенно другой. Она влетела в кофейню, как влетают в помещение люди, которые никогда не ходят — только бегают. Маленького роста, едва доставала Лили до плеча, хрупкая на вид, с большими карими глазами и копной тёмных волос, собранных в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. Смуглая кожа, чуть вздёрнутый нос, быстрая улыбка. Она напоминала птицу — маленькую, юркую, которая никогда не сидит на месте.

— Привет! Ты, наверное, Лили! — Она схватила Лили за руку и энергично потрясла. — Я Мэл. Ну, то есть Мэллори, но так меня называет только мама, когда я опаздываю домой. А я всегда опаздываю. Так что для всех — Мэл. У вас тут классно! Я сто раз проходила мимо и думала: надо зайти, а теперь я буду тут работать. Это судьба, да?

Лили моргнула. За те несколько секунд, что Мэл говорила, она успела стащить с вешалки фартук, повязать его и начать изучать кофемашину с видом археолога, нашедшего древний артефакт.

— Кофе умеешь варить? — спросила Лили.

— Умею! Ну, то есть дома варила. И в колледже на ярмарке. Правда, там никто не жаловался, но, может, они просто стеснялись. Но я быстро учусь, честно. Покажешь?

И Лили показала. Мэл схватывала на лету — через час она уже принимала заказы, путалась в кнопках кассы, но с энтузиазмом, и улыбалась каждому посетителю так, будто они были самыми важными людьми на свете.

Первое время Лили она раздражала. Не Мэл как человек — Мэл как явление. Она была слишком громкой, слишком быстрой, слишком весёлой для кофейни, где ещё витал призрак Майи. Её смех отскакивал от стен, её болтовня заполняла те паузы, которые Лили раньше использовала для мрачных размышлений. Она чувствовала себя почти оскорблённой: как кто-то может быть таким жизнерадостным, когда вокруг творится такое?

Но постепенно — день за днём, смена за сменой — Лили привыкала. Мэл не была глупой. Она была из тех редких людей, которые выбирают радость не потому, что не видят тьмы, а потому, что решают не давать ей победить. Она никогда не спрашивала о Майе напрямую — только один раз, когда они закрывали кофейню, сказала тихо: «Я слышала, что случилось. Мне очень жаль». И всё. И Лили была благодарна за это «всё» больше, чем за любые длинные речи.

— Ты живёшь с родителями? — спросила как-то Лили, когда они сидели за столиком после закрытия и пили по чашке латте с карамелью. То, что нужно в осенний вечер.

— Ага. Мама — медсестра, папа — учитель истории. Скучные, как молитвенное собрание, но я их люблю. Они думают, что я работаю здесь, чтобы накопить на учебники. На самом деле я коплю на поездку в Чикаго. Хочу посмотреть на настоящий большой город. Литчфилд напоминает аквариум. Маленький, уютный, все друг друга знают, и стекло мутное.

— Стекло?

— Ну, ты понимаешь. Вроде всё видно, но реальность довольно мутная.

Лили понимала.

На следующий день Агнесс появилась в кофейне ближе к вечеру. Лили почти ждала её — было в этих визитах что-то, что перестало быть случайностью. Как будто Агнесс приходила не за кофе, а за чем-то другим, чему Лили не могла подобрать название.

Сегодня на ней было длинное тёмно-синее пальто — того оттенка, который бывает у неба сразу после заката, когда день уже кончился, а ночь ещё не началась. Волосы — светло-золотистые — были распущены и лежали на плечах мягкими волнами. Она села за свой обычный столик в углу и заказала двойной американо. Запах вишнёвых духов, сладких как пирожное, заполнил кофейню.

На этот раз Лили сама подсела к ней.

— Как ваши поиски? — спросила она, ставя чашку на стол.

— Вы помните. — Агнесс улыбнулась той своей тонкой

улыбкой, которая не затрагивала глаз. — Приятно.

— Просто в Литчфилде не так много загадочных незнакомок, чтобы их забыть.

— Я не загадочная. Я просто не местная. — Она обхватила чашку ладонями и поднесла к губам, но пить не стала. — Поиски пока не увенчались успехом. Тот, кого я ищу, всё еще не объявился. Но я решила задержаться.

— Здесь? В Литчфилде?

— Да. Город маленький и уютный. В таких городах всё видно. Все на виду.

— Не всё, — сказала Лили. — Кое-что прячется.

— Прячется, — согласилась Агнесс. — Но ненадолго.

Они помолчали. В кофейне было тихо — дневная суета схлынула, вечерние посетители ещё не пришли. Мэл гремела чашками в подсобке и что-то напевала.

— Вы слышали про убийства? — спросила Лили. — Те тела, что нашли у ручья.

— Слышала. Это ужасно.

— Вы не боитесь? Оставаться в городе, где орудует маньяк?

Агнесс подняла глаза, и Лили снова — в который раз — поразилась их цвету. Янтарный, но не простой — глубокий, с тёмными крапинками у зрачка. Как смола. Как старый мёд.

— Я умею за себя постоять, — сказала она. — К тому же, маньяки редко нападают на тех, кто не вписывается в их… предпочтения. У них всегда есть тип. Определённый шаб-

лон. Если ты в него не попадаешь, ты в безопасности.

— Откуда вы знаете?

— Читала. И смотрела новости. — Она пожала плечами. — В этом городе богатая история. Вы знали, что здесь ловили серийных убийц с девятнадцатого века?

— Алекс рассказывал.

— Алекс? — Бровь Агнесс чуть приподнялась.

— Мой… друг. — Лили запнулась на слове «друг». Оно не совсем подходило, но другого у неё не было. — Он интересуется историей.

— Интересный у вас друг. — Агнесс отпила кофе. — И что он говорит о происходящем?

— Что зло притягивает зло. Что Литчфилд — как воронка.

— Воронка. — Агнесс медленно повторила слово, как будто пробовала его на вкус. — Любопытная метафора. Я бы сказала иначе: не воронка, а сцена. Некоторым местам суждено быть сценой. На них разыгрываются одни и те же пьесы — с разными актёрами, но с одним и тем же финалом.

— И какой финал?

— Смерть, разумеется. — на лице Агнесс не отразилось эмоций, но казалось, что в глазах мелькнула улыбка.

За окном, на тротуаре, появился сосед с Такером. Пёс был в своём обычном настроении — вилял хвостом, обнюхивал фонарные столбы и вообще выглядел так, как выглядит счастливый золотистый ретривер, у которого нет ника-

ких забот. Но когда они поравнялись с окном кофейни, Такер вдруг замер. Шерсть на его загривке поднялась. Он уставился прямо на Агнесс — и залился лаем. Не игривым или любопытным — а тем низким, утробным лаем, которым собаки встречают чужака. Или угрозу.

Сосед потянул поводок, что-то сказал — Лили не слышала сквозь стекло, — но Такер не унимался. Он рвался с поводка, захлёбываясь лаем, и в его глазах — Лили готова была поклясться — плескался самый настоящий ужас.

Агнесс повернула голову и посмотрела на пса.

Всего один взгляд. Спокойный, без злобы. Она просто посмотрела на него — так, как смотрят на расшумевшегося ребёнка.

Такер замолчал. Не постепенно — мгновенно. Как будто кто-то выключил звук. Он сел на тротуар и опустил голову, прижав уши. Хвост замер. Сосед удивлённо посмотрел на собаку, потом на окно кофейни, пожал плечами и пошёл дальше. Такер поплёлся за ним — тихий, как мышь.

— Должно быть, не любит незнакомцев, — сказала Агнесс, возвращаясь к кофе.

Лили ничего не ответила. Она смотрела на то место за окном, где только что стоял Такер, и ей было не по себе. Собаки просто так не замолкают. Собаки просто так не садятся на тротуар с видом побитого щенка, особенно когда минуту назад готовы были разорвать стекло.

— Мне пора, — сказала Агнесс, вставая. — Спасибо за

кофе. Он действительно лучший в городе.

— Приходите ещё.

— Обязательно.

И она вышла — легонько звякнул колокольчик, качнулась дверь. Лили смотрела ей вслед, и мысль, которую она гнала от себя последние несколько встреч, наконец оформилась в слова. «Кто ты такая, Агнесс? И что тебе нужно в Литчфилде?»

Алекс ждал её у дверей кофейни в семь. Он стоял, прислонившись к фонарному столбу, и читал старую книгу, в тёмном переплёте. Лили, увидев его, почувствовала, как привычный узел в груди чуть ослабевает.

— Давно ждёшь? — спросила она.

— Нет. — Он закрыл книгу и сунул её в карман пальто. — Ты выглядишь усталой.

— Для меня это уже привычный вид.

Они пошли по Третьей улице в сторону дома Эшли. Вечер был тихий — без дождя, что было редкостью осенью в Миннесоте. Фонари горели жёлтым, и их свет отражался в мокрых листьях на тротуаре, создавая иллюзию, что под ногами — не асфальт, а золотая фольга.

Лили рассказывала про Мэл — смешную, разговорчивую, которая пела в подсобке и называла Литчфилд аквариумом. Вскользь рассказала про Агнесс и происшествие с Такером.

— Это было так странно. Впрочем, я настолько не в чем, что мне могло померещиться, что угодно.

— Что за Агнесс? — спросил Алекс.

— Девушка. Приезжая. Пьёт двойной американо и говорит загадками. Говорит, что ищет одного человека здесь.

— В Литчфилде? Кого здесь можно искать?

— Не знаю. Но она здесь уже несколько недель. И каждый раз, когда она приходит, мне становится… неспокойно. Не то чтобы она угрожала. Просто в ней есть что-то…

— Что?

— Не знаю, что то опасное что ли...., — сказала Лили и тут же рассмеялась — неловко, смущённо. — Глупо, да?

Алекс не рассмеялся в ответ.

— Не глупо, — сказал он тихо. — Люди часто не доверяют интуиции, а зря. Интуиция — это просто опыт, который мозг не успел обработать словами.

Они дошли до дома Эшли — старого трёхэтажного здания с пожарной лестницей и коваными перилами. Свет в окне второго этажа горел — Эшли была дома. Лили остановилась у подъезда и повернулась к Алексу.

— Спасибо, что встретил.

— Я же обещал.

Они стояли лицом к лицу, и между ними было то расстояние, которое измеряется не дюймами, а сердцебиением. Лили смотрела на него — на его светло-голубые глаза, на прядь русых волос, упавшую на лоб, на губы, которые чуть дрогнули, как будто он хотел что-то сказать, но не решался. Фонарь над подъездом горел тускло, и свет его падал на лицо

Алекса мягкими тенями, делая его старше и одновременно красивее.

— Знаешь, — сказала Лили, — ты единственный человек, рядом с которым я не боюсь. Это странно. Я тебя едва знаю.

— И плохо — сказал он. — Иногда мы доверяем незнакомцам больше, чем близким, что совершено глупо.

Он шагнул ближе — на какие-то полдюйма, не больше, но этого хватило, чтобы воздух между ними стал плотным. Лили чувствовала запах его одеколона — что-то древесное, с нотками бергамота, — и слышала его дыхание, ровное и спокойное.

Он поцеловал её.

Мягко, почти вопросительно. Его губы были прохладными после вечернего воздуха, и прикосновение было лёгким, как будто он спрашивал разрешения. Лили ответила — подалась вперёд, положила ладонь на его грудь и почувствовала, как бьётся его сердце. Ровно, сильно, спокойно. Совсем не так, как её собственное, которое бешено колотилось.

Поцелуй длился, наверное, секунд десять. А может, минуту. А может, время вообще остановилось — Лили потом пыталась восстановить хронологию и не смогла. Она помнила только: его рука легла ей на талию, тёплая и уверенная; её пальцы скользнули по его шее, коснулись волос на затылке; где-то вдалеке проехала машина, и свет фар скользнул по стене дома, осветив их на мгновение, как фотографию.

Когда они отстранились, он улыбался. А Лили смущённо

прятала лицо.

— Давно хотел это сделать, — сказал он.

— Почему не сделал раньше?

— Ждал подходящего момента.

— И это был он?

— Самый подходящий. — Он заправил прядь волос ей за ухо. — Иди. Эшли, наверное, уже смотрит в окно.

Лили оглянулась — и правда: в окне второго этажа колыхнулась занавеска. Она рассмеялась — тихо, счастливо.

— Увидимся завтра?

— Обязательно.

Она поднялась на второй этаж, и Эшли встретила её в дверях с выражением лица, которое говорило: «Я всё видела, и ты мне сейчас всё расскажешь». Что Лили и сделала — за чашкой чая, сидя на кухне, чувствуя, как внутри разливается что-то тёплое и давно забытое. Радость? Надежда? Она не была уверена. Но это было приятное чувство — и она не хотела его отпускать. Эмоции от первого поцелуя это то, что, к сожалению, не повторяется никогда.

Глава 7

— Я влюбилась.

Эшли оторвалась от чашки с чаем и посмотрела на Лили, слегка прищурив глаза и улыбаясь.

— Ну это очевидно.

— Влюбилась. В Алекса. — Лили сидела на диване, поджав ноги, и теребила край пледа. За окном темнело — октябрьские сумерки наступают рано, как будто солнце торопится уйти на покой. — Я понимаю, это глупо. Мы знакомы всего ничего. Я ничего о нём не знаю. Ну, то есть знаю, но…

— Но? — Эшли поставила чашку на журнальный столик и развернулась всем телом.

— Но меня тянет к нему. И это сильнее меня. Я просыпаюсь и думаю: интересно, он уже встал? Я засыпаю и думаю: увижу ли я его завтра? Когда мы вместе, мне кажется, что всё будет хорошо — по-настоящему, а не так, как я себе говорю, чтобы успокоиться. А когда он уходит, я чувствую себя как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Вот.

Она выдохнула и уставилась на свои руки. Эшли помолчала. Потом пересела ближе и обняла Лили за плечи.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Правда, понимаю. Когда я встретила Кайла, у меня было то же самое. Я знала

его две недели и уже придумала, как назову наших детей.

— И как?

— Неважно. Важно другое: я тогда страшно боялась. Потому что чем сильнее чувство, тем больнее будет, если что-то пойдёт не так. Это нормально. Ты просто… не торопись. Не надо прямо сейчас решать, кто он для тебя — любовь всей жизни или проходной персонаж. Пусть время покажет. Время вообще умнее нас.

Лили улыбнулась и промолчала. Это все следовало уместить в своей голове и расставить по местам.

Телефон Лили лежал на тумбочке у кровати, и звук входящего СМС был похож на щелчок — негромкий, но в тишине чужой квартиры показавшийся оглушительным. Лили протянула руку, ещё не до конца проснувшись, и глянула на экран. Номер был незнакомый: другая комбинация цифр, чем в прошлый раз, но тоже странная. Сердце Лили забилось чаще.

«Я видел, что вы целовались».

Сон слетел мгновенно, как будто кто-то вылил ведро ледяной воды. Лили села в кровати. В висках бился пульс, а пальцы, державшие телефон, внезапно стали влажными и холодными.

Телефон пиликнул снова.

«Ты предала меня. И я тебя накажу».

Она смотрела на экран — и буквы расплывались перед

глазами. Кто-то видел их с Алексом. Кто-то следил за ней — не просто звонил и дышал в трубку, а реально, физически находился рядом. Стоял в темноте на улице, смотрел, как они целуются под фонарём, и Лили даже не почувствовала его присутствия.

Она вскочила, разбудила Эшли — и та, увидев сообщения, немедленно набрала Кайла. Через полчаса они сидели в гостиной втроём, пили чай, который никто не хотел, и пытались понять, что делать дальше.

— Кайл, как ты думаешь, это может делать Дэрил? Ты ничего не слышал о нем? Можно он звонил кому нибудь из ваших общих знакомых? — тревожно спросили Лили.

— Я не знаю. Иногда люди способны на многое. Честно говоря, я уже ни в чем не уверен, после того как увидел его странное поведение в баре.

— Но мы не можем утверждать, что это он. Это может быть кто угодно ещё. Хотя он первый кто приходит на ум — заметила Эшли.

— Но дальше нельзя это игнорировать. Утром я отправлюсь в участок и расскажу о нем. Если это не он, то пусть подтвердят это мне. Впрочем, не знаю, что страшнее: опасаться Дэрила или неизвестного сталкера.

Все согласились с тем, что иного выбора нет. Эшли и Кайл согласились дать свидетельские показания против Дэрила.

Утро выдалось серым и промозглым. Полицейский участок Литчфилда встретил Лили и Эшли всё тем же запахом

хлорки, перегретого кофе и бумажной пыли. Но в этот раз всё пошло иначе. Лили ожидала, что её проведут в комнату для допросов, посадят на жёсткий стул и предложат воды в пластиковом стаканчике — но вместо этого молодой офицер за стойкой, увидев её имя в журнале посещений, как-то странно подобрался и сказал:

— Детектив Морлок просил вас зайти. Он хотел с вами поговорить.

— Морлок? — Лили нахмурилась. — А где детектив Ковальски?

— Ковальски переведён. Дело теперь ведёт Морлок.

Новый детектив оказался человеком совсем другого склада. Если Ковальски был усталым, но сочувствующим — его серые глаза всё ещё умели видеть в свидетелях живых людей, а не просто источники информации, — то Морлок был сухим, как гербарий, и примерно таким же эмоционально подвижным. Лет сорока пяти, подтянутый, в безупречно отглаженном костюме, который в Литчфилде смотрелся так же чуждо, как фламинго на кукурузном поле. Волосы зачёсаны назад, на висках — седина. Глаза — тёмные, быстрые, ничего не упускающие. Он напомнил Лили бухгалтера, который знает, что цифры не сходятся, но ещё не выяснил, кто именно украл.

— Мисс Мартин. — Он не встал, просто указал на стул. — Хорошо, что вы пришли. Я как раз собирался направить вам повестку.

— Повестку? — Лили опустилась на стул, и ноги у неё были ватные. — О чём вы?

Морлок не ответил сразу. Он открыл папку — толстую, пухлую, с цветными закладками по бокам — и разложил перед Лили ряд фотографий. Лица. Мужчины, женщины. Пять штук. Она узнала их — эти же лица показывали в новостях, когда объявляли о пропавших.

— Знаете кого-то из них? — спросил Морлок.

Лили склонилась над фотографиями. Майкл Донован — тот, с рыбалки. Роберт Кэссиди — нагловатое лицо, родинка на щеке. Две женщины, чьих имён она не запомнила. И Майя.

— Майю, — сказала она тихо. — И… её мужа. Но его здесь нет.

— Верно. — Морлок убрал фотографию мужа, которую Лили даже не заметила среди прочих. Потом он убрал и фото Майи. На столе остались только те, чьи тела нашли. Четверо. Двое мужчин, две женщины. — Взгляните ещё раз. Может быть, видели их? В кофейне? На улице? Где угодно?

Лили вглядывалась в лица — тщательно, старательно. Мужчина с усталой улыбкой. Женщина, похожая на библиотекаршу. Парень с родинкой. Ещё одна женщина — совсем молодая, почти девочка. Нет. Она не помнила их. Может, они и заходили в «У Джун» — в конце концов, кто в Литчфилде не заходил в «У Джун»? — но лица были чужими.

— Нет, — сказала она. — Я не помню.

Морлок помолчал. Потом достал из папки ещё одну фотографию — и Лили пожалела, что вообще проснулась сегодня утром.

Это был снимок с места преступления. Чья-то рука — просто рука, белая, безжизненная, с обломанными ногтями, — лежала на земле, среди прелых листьев и жухлой травы. На запястье были синяки — такие же, как у Майи. А на ладони, прямо по коже, шариковой ручкой был написан адрес.

Адрес кофейни «У Джун».

Лили почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Комната покачнулась. Она отвела взгляд, но картинка уже впечаталась в память — навсегда, как ожог. Адрес её работы, выведенный на мёртвой коже. Буквы немного плыли, как будто писавший торопился. Или как будто тот, на ком писали, ещё дышал.

— Это… — голос у неё сорвался. — Это та женщина? Из библиотеки?

— Да, — сказал Морлок, убирая фотографию. Слава богу, убирая. — Кэролайн Марш. Библиотекарь. Работала в Литчфилдской публичной библиотеке. Это единственная зацепка, которая у нас есть, и она ведёт прямиком в вашу кофейню. Поэтому, мисс Мартин, я вынужден попросить вас предоставить все записи с камер видеонаблюдения за последние два месяца. И задать вам несколько вопросов.

Лили смотрела на стол, где только что лежала фотография. Пятно света от лампы падало на деревянную столеш-

ницу, и в этом пятне кружилась пылинка — одна-единственная, крошечная, золотая.

— Это значит… — она облизала пересохшие губы, — это значит, что убийца был в кофейне? Что я его видела?

— Возможно. — Морлок смотрел на неё в упор, и в его тёмных глазах не было ни сочувствия, ни тепла — только профессиональный интерес. — Возможно, вы подавали ему кофе. Возможно, он сидел за столиком в углу и улыбался вам. А вы и не подозревали.

Лили закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали лица посетителей — десятки, сотни лиц, знакомых и незнакомых. Кто из них? Мистер Хендрикс с его сальными шуточками? Миссис Гейбл с её пирогами и молитвами? Кто-то из студентов, которые забегали по вечерам за какао? Кто?

— Я не знаю, — сказала она. — Я правда не знаю.

Домой она вернулась в состоянии, близком к коллапсу. Эшли вела её под руку, а она шла, как сомнамбула, глядя прямо перед собой и не видя ничего. Адрес на ладони. Синяки на запястье. Обломанные ногти — она, наверное, пыталась сопротивляться. Царапала землю. Или его лицо.

Она позвонила Фрэнку. Он был в таком же ступоре — она слышала это по его голосу, по тому, как он повторял «господи, господи» и теребил, наверное, свой фартук, хотя был дома и фартука на нём не было.

— Фрэнк, — сказала Лили, — мне нужен отпуск. На месяц. Может, больше. Я не могу. Я больше не могу.

И Фрэнк — ворчливый, прижимистый Фрэнк, который трясся над каждой копейкой выручки, — не стал спорить.

— Конечно, — сказал он. — Бери. Мэл справится. Я найму кого-нибудь ещё. Береги себя, Лил.

И она повесила трубку, и ей стало одновременно легче и тяжелее — как бывает, когда сбрасываешь рюкзак после долгого похода: плечи радуются, но ноги всё ещё помнят каждый пройденный шаг.

Вечером она позвала Алекса на ужин к Эшли. Не для романтики — для совета. В последнее время каждый ужин превращался в военный совет, а кухня Эшли — в штаб. На этот раз собрались вчетвером: Лили, Эшли, Кайл и Алекс. На столе стояли тарелки с пастой, к которой никто почти не притронулся, и бутылка красного вина, которую кто-то открыл, но так и не разлил.

Лили пересказала всё — про сообщения, про Морлока, про руку с адресом. Когда она закончила, в комнате повисла тишина — такая, какая бывает после особо сильного удара грома, когда все ждут, не начнётся ли дождь.

— То есть он был в кофейне, — сказал Кайл. — Этот парень. Убийца. Он сидел там, заказывал кофе и смотрел на вас. На Майю. На Лили.

— Выходит, так, — сказала Лили.

— И тот, кто шлёт тебе сообщения, — Эшли нахмурилась, — это он же? Или кто-то другой?

— Неизвестно. Может, Дэрил. Может, муж Майи. Может,

тот, кого мы вообще не знаем. Может, всё сразу. — Лили растёрла виски. — У нас куча вопросов и ни одного ответа.

Они строили догадки — одна невероятнее другой. Кто из посетителей кофейни показался им странным? Кто из жителей Литчфилда мог быть способен на такое? Кайл предположил, что убийца — кто-то незаметный, кто сливается с фоном. Эшли — что это человек, которого никто не заподозрит, потому что он слишком «нормальный». Лили молчала, перебирая в уме лица. Мистер Хендрикс. Сосед с Такером. Фрэнк — но Фрэнк не мог, у него алиби на каждое исчезновение. Кто-то ещё? Она не знала.

Алекс почти ничего не говорил. Он сидел у окна, задумчиво вертя в пальцах ножку бокала, и свет уличного фонаря падал на его лицо, делая его старше и строже. Лили заметила, что он хмурится — но это была не тревога, а скорее напряжённая работа мысли.

— Что думаешь? — спросила она его, когда пауза затянулась.

— Что всё это очень странно, — сказал он. — Адрес на руке. Это послание. Он хотел, чтобы полиция пришла именно в кофейню. Он играет. Не просто убивает — играет.

— С кем?

— Не знаю. Может, с полицией. Может, с вами. Может, с кем-то ещё.

После ужина они с Алексом вышли прогуляться. Вечер был холодный, но сухой — первый сухой вечер за долгое вре-

мя, и звёзды над Литчфилдом горели ярко, как будто их тоже наконец-то отмыли от октябрьской грязи. Они шли по Третьей улице в сторону парка, и их шаги звучали в тишине гулко и одиноко. Город спал — или притворялся спящим.

Лили долго не решалась заговорить. Она чувствовала, как внутри неё зреет вопрос — тяжёлый, неудобный, — но слова не шли. Наконец она остановилась у старого дуба, чьи ветви нависали над дорожкой, как руки великана, и сказала:

— Откуда ты?

Алекс повернулся к ней. Свет фонаря падал на его лицо, и она видела каждую чёрточку — морщинку у глаз, тень от ресниц, едва заметную щетину на подбородке.

— Ты имеешь в виду — географически?

— Я имею в виду — всё. Где ты родился? Где твоя семья? Где ты живёшь? Мы целовались, и это было прекрасно, но я о тебе почти ничего не знаю. И это… это меня беспокоит. — Она запнулась. — Не в плохом смысле. Просто сейчас такое время, что я должна знать, кому доверяю. Понимаешь?

Алекс помолчал. Потом вздохнул — не раздражённо, а скорее с облегчением, как будто он давно ждал этого вопроса.

— Понимаю, — сказал он. — Ты права. Ты имеешь полное право знать. Я должен был рассказать раньше.

Он прислонился к стволу дуба и засунул руки в карманы пальто.

— Я родился в Чикаго. Отец — американец, мать — ка-

надка. Когда мне было двенадцать, мы переехали в Торонто. Там я вырос, там пошёл в университет. Изучал историю, потом бросил — не хватило усидчивости. Потом начал путешествовать. Маленькие города, большие города, везде, где есть библиотека и интернет. На жизнь зарабатываю переводами — с французского, немецкого, немного с латыни. Семьи нет — родители умерли, братьев-сестёр не было. Живу один, квартира на окраине Литчфилда, которую снял три недели назад. Всё.

— Почему ты не рассказывал?

— Потому что я привык быть один. — Он улыбнулся — грустно, кривовато. — Одиноким людям кажется, что их прошлое никому не интересно. Я не думал, что это важно.

— Это важно, — сказала Лили. — Ты важен.

Она шагнула к нему — и он шагнул навстречу. Их губы встретились где-то посередине, и этот поцелуй был не похож на первый — в нём не было нежности, была жадность. Жажда. Голод. Его руки легли на её талию и притянули ближе — так близко, что она чувствовала биение его сердца через слои одежды. Её пальцы запутались в его волосах — они были мягкими и чуть влажными от вечерней сырости. От него пахло книжной пылью, бергамотом и чем-то ещё — чем-то, что она не могла назвать, но что заставляло её сердце биться чаще.

Они целовались долго — так долго, что звёзды успели сдвинуться на небе, а фонарь над скамейкой замигал и по-

гас, оставив их в темноте. Лили не хотелось его отпускать. Она прижималась к нему всем телом, и каждый дюйм её кожи, казалось, звенел от напряжения и желания. Его ладонь скользнула по её спине — медленно, изучающе, — и она почувствовала, как по позвоночнику пробегает дрожь, которую не объяснить октябрьским холодом.

— Я не хочу уходить, — прошептал он.

— И я не хочу, чтобы ты уходил.

— Но обстоятельства…

— К чёрту обстоятельства.

Она почувствовала, как он улыбается — губами, прижатыми к её виску.

— Завтра, — сказал он. — И послезавтра. И послепослезавтра. Мы справимся. Сначала нужно разобраться с тем, кто тебе угрожает. Обещаю — я развею все твои сомнения.

— Ты уже начал, — сказала она.

На следующий день Лили зашла в кофейню — просто проведать Мэл. Она чувствовала себя немного виноватой: оставила эту маленькую, хрупкую девушку одну, в месте, которое теперь казалось ей не уютным убежищем, а сценой для будущей трагедии. Но Мэл, казалось, совсем не переживала. Она порхала по залу, размахивая тряпкой, и напевала что-то из последнего альбома Florence and the Machine — у неё был хороший голос, чуть хрипловатый.

— О, Лили! — Она отложила тряпку и подбежала обнять её. От Мэл пахло кофе и ванилью. — Как ты? Выглядишь

лучше. Ну, не хорошо, но лучше.

— Спасибо, наверное. — Лили усмехнулась. — Ты ничего подозрительного не видела?

— Подозрительного? — Мэл задумалась. — Мистер Хендрикс опять не оставил чаевых. Это подозрительно?

— Это норма. Я имею в виду — странных людей. Незнакомцев.

— В Литчфилде? Незнакомцев? — Мэл рассмеялась. — Тут каждый незнакомец — событие. Нет, всё как обычно. Ой, слушай, я тут разбирала кладовку — Фрэнк сказал, что пора выкинуть хлам, — и нашла коробку с вещами. По-моему, это Майи.

У Лили сжалось сердце.

Мэл принесла коробку — обычную картонную коробку из-под бумаги для принтера. Внутри лежали: блокнот для записи заказов — потрёпанный, с пятном от кофе на обложке; сменная форма — синяя рубашка поло с вышитым логотипом «У Джун»; фартук, который Майя так и не забрала из стирки; и фотография.

Лили взяла фотографию. Они с Майей стояли у стойки — это было прошлым летом, когда ещё ничего не случилось, когда синяки на запястьях Майи были только царапинами от кошачьих когтей (так она говорила, и Лили верила). Они обе смеялись. Майя держала в руках чашку с латте, и на пенке кто-то нарисовал сердечко.

Лили заплакала. Молча, без рыданий — просто слёзы по-

текли по лицу, и она не стала их вытирать.

Мэл обняла её — молча, без лишних слов. И это было правильно. Слова в такие моменты не нужны.

— Я заберу коробку, — сказала Лили, когда слёзы кончились. — Спасибо, что нашла.

— Конечно. — Мэл сжала её руку. — Береги себя, ладно? Ты хорошая. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— И ты береги себя, — сказала Лили. — Пожалуйста. Будь осторожнее. Если что-то покажется странным — сразу звони. Мне. В полицию. Кому угодно.

Мэл кивнула. И Лили ушла, прижимая коробку к груди.

Три дня спустя Алекс пригласил её к себе.

— Я приготовлю ужин, — сказал он. — Настоящий. Не китайская еда из картонки, не паста на скорую руку. Я хочу, чтобы у нас был нормальный вечер. Без страха. Без полиции. Без маньяков. Только ты и я.

И Лили согласилась. Она не знала, чего ожидать — квартира на окраине Литчфилда звучала не особенно романтично, — но когда она переступила порог, у неё перехватило дыхание.

В комнате горели свечи. Десятки маленьких огоньков, расставленных на подоконнике, на книжных полках, на столе. Их свет дрожал на стенах золотыми узорами. Пахло цветами — Лили увидела букет белых лилий на тумбочке, их аромат был сладким и густым, — и ещё чем-то пряным, восточным, наверное, благовониями. С тихим шипением они

тлели в маленькой керамической чаше у окна, и дымок от них поднимался тонкой струйкой, закручиваясь в спирали. Стол был накрыт белой скатертью — Лили не знала, что у него есть белая скатерть. На тарелках лежали салфетки, сложенные веером, и столовые приборы были разложены с той тщательностью, которая выдавала либо многолетнюю привычку, либо желание произвести впечатление.

Алекс вышел из кухни — в белой рубашке, закатанной до локтей, с полотенцем через плечо, и Лили подумала, что никогда не видела его таким. В баре он был загадочным незнакомцем, в библиотеке — тихим читателем, на улице — защитником. А здесь, дома, он был просто мужчиной, который приготовил ей ужин. И от этого зрелища у неё что-то дрогнуло внутри.

— Ты всё это сделал? — спросила она, оглядываясь.

— Я. Не думай, что я всегда так живу. Обычно тут книжный хаос и немытая чашка. Но сегодня особый случай.

— Какой?

— Ты.

Он улыбнулся — и его улыбка была тёплой, домашней, совсем не той загадочной полуулыбкой, которую она привыкла видеть.

Ужин был великолепен. Утка, запечённая с апельсинами, — корочка хрустела, а мясо таяло во рту, и апельсиновый соус был в меру сладким и в меру кислым; салат из рукколы с сыром фета, орехами и каплями бальзамического крема,

похожими на тёмный жемчуг; тирамису — воздушное, пропитанное кофе и амаретто, — которое он, оказывается, сделал сам («Я три дня экспериментировал, первый блин вышел комом, но этот — почти идеальный»). К ужину он открыл бутылку красного вина — что-то итальянское, с тягучим вкусом и долгим послевкусием. На столе стояла ваза с фруктами: виноград, инжир, гранат.

— Где ты научился так готовить? — спросила Лили, пробуя утку.

— Мать научила. Она говорила: если хочешь произвести впечатление на девушку, не води её в ресторан. Приготовь сам. Ресторан может быть чьим угодно, а ужин — только твоим.

— Твоя мать была мудрой женщиной.

— Она была французской канадкой. У них это в крови.

Пока Алекс открывал вторую бутылку вина, Лили встала и прошлась по комнате. Ей хотелось рассмотреть его жилище — не из праздного любопытства, а из желания понять его лучше. Квартира была небольшой, но уютной: диван, застеленный клетчатым пледом, пара кресел, торшер с зелёным абажуром, бросающий на стены мягкий круг света. Но главное — книги. Они были везде. На стеллажах, на подоконнике, на полу, стопками и вразнобой. Лили провела пальцем по корешкам, читая названия.

Брэм Стокер, «Дракула» — старое издание в потёртом переплёте. Анна Райс, «Интервью с вампиром» — зачитанное

почти до дыр. Стивен Кинг, «Салимов удел» — она читала эту книгу в школе и потом боялась заходить в подвал. Рядом — книга «Охотник за разумом» Джона Дугласа, того самого агента ФБР, который ловил серийных убийц. Ещё — биография Теда Банди, написанная Энн Рул. И биография Джека Потрошителя — старая, с золотым тиснением. Фэнтези про вампиров, криминалистика, история маньяков — странное соседство.

— Интересная у тебя библиотека, — сказала она.

— Я же говорил: история, особенно тёмная. — Алекс разливал вино по бокалам, и она не видела его лица. — Меня всегда интересовало, почему люди делают то, что делают. И как их ловят.

Лили кивнула и прошла дальше. На комоде стояли фотографии в рамках — она ожидала увидеть его родителей, но на снимках были в основном пейзажи: горы, озёра, какой-то европейский город с узкими улочками. И только одна фотография была с людьми — молодая пара, он и она, где-то на фоне Ниагарского водопада. Родители, догадалась Лили. У него были отцовские глаза и материнская улыбка.

Она вернулась к столу, и они продолжили ужин. Говорили о книгах. О путешествиях. О детстве — он рассказал, как впервые увидел океан в десять лет и как волна сбила его с ног, а отец смеялся, а мать ахала. Она рассказала, как росла в Литчфилде и мечтала уехать, но так и не уехала. Он спросил — почему? И она ответила: «Потому что здесь мои ро-

дители. Потому что я знаю здесь каждую улицу. Потому что иногда то, что мы ищем, находится не снаружи, а внутри». И он посмотрел на неё так, как будто она сказала что-то очень важное.

После ужина он включил музыку. Медленный блюз — густой, тягучий, как патока. Би Би Кинг, «The Thrill Is Gone». Гитара плакала в полумраке, и голос — низкий, шершавый, — заполнял комнату.

— Потанцуем? — спросил он.

— Я не очень умею.

— Я тоже. Будем не уметь вместе.

Она вложила ладонь в его руку, и он притянул её к себе. Они танцевали медленно, почти не двигаясь с места, покачиваясь в такт музыке. Её голова лежала на его плече, и она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, спокойно, как маяк в шторм. Его рука лежала на её пояснице — тёплая, уверенная, — и через ткань платья она чувствовала каждое прикосновение, каждый палец.

Музыка закончилась, но они продолжали стоять, обнявшись.

— Я не хочу, чтобы этот вечер кончался, — прошептала она.

— Он и не кончится, — сказал он. — Мы просто перевернём страницу.

И он поцеловал её — медленно, тягуче, как тот блюз, который всё ещё звучал где-то на границе сознания. Его губы

были тёплыми и мягкими, и она отвечала на поцелуй, запустив пальцы в его волосы, прижимаясь всем телом.

А потом свечи догорели, и комната погрузилась в полумрак, освещённый только уличным фонарём за окном. Лили чувствовала, как его руки скользят по её телу — нежно, изучающе, — и каждое прикосновение отзывалось в ней волной тепла. Он целовал её шею, плечи, ключицы — и каждое прикосновение губ было как обещание. Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в ощущениях: запах его кожи, смешанный с ароматом благовоний; звук его дыхания, ставшего частым и прерывистым; тепло его тела, которое, казалось, обволакивало её целиком.

Они двигались в одном ритме — медленно, как танцевали минуту назад, — и Лили чувствовала, как исчезают все страхи, все тревоги, все мысли. Оставалось только настоящее: его руки, его губы, его шёпот. Он шептал её имя — и это было самым прекрасным звуком на свете.

Она не помнила, сколько времени прошло. Время потеряло значение, как теряет значение компас на Северном полюсе. Она помнила только, как они лежали потом, обессиленные и счастливые, и его пальцы рисовали на её коже невидимые узоры, а за окном занимался робкий октябрьский рассвет.

Позже, пока Алекс был в душе, Лили накинула его рубашку и прошлась по комнате. Спальня была маленькой, но уютной — кровать, застеленная серым бельём, торшер, ещё один

книжный стеллаж, набитый до отказа. И письменный стол у окна. На столе лежали карандаши, ластик и стопка листов — эскизы, наброски. Лили взяла один, другой. Он рисовал деревья, птиц, городские пейзажи — Дулут, набережную, озеро Лич. У него был талант — линии были точными, но не сухими, живыми.

И тут она увидела ещё один лист — он лежал чуть в стороне, наполовину прикрытый книгой. Лили отвела книгу, поднесла лист к свету — и замерла.

На рисунке было лицо. Женское. Тонкие черты, большие глаза, длинные волосы, падающие на плечи волнами. Сходство было абсолютным — не просто «похоже», а как фотография.

Агнесс.

Алекс нарисовал Агнесс.

Лили стояла с листом в руке и чувствовала, как внутри что-то рушится — тихо, беззвучно, как падает снег с ветки. Почему? Откуда он её знает? Он никогда не говорил, что встречал её. Он вообще не упоминал её — только когда Лили сама рассказывала о странной посетительнице кофейни. И тогда он спросил: «Что за Агнесс?» Как будто не был знаком. Как будто слышал впервые.

Вода в душе перестала шуметь. Лили быстро положила рисунок на место и отошла от стола. Сердце колотилось, и она не могла понять, что чувствует. Страх? Разочарование? Ревность? Нет. Скорее — холодную, липкую тревогу.

Алекс вышел из ванной — со свежим лицом, с мокрыми волосами, падающими на лоб, — и улыбнулся ей.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, — сказала Лили. — Всё хорошо.

Она не спросила про рисунок. Не сейчас. Возможно, у этого было простое объяснение. Возможно, они где-то встречались — случайно, мельком. Возможно, он видел её в кофейне и нарисовал по памяти.

Но в голове Лили, как заевшая пластинка, крутилась мысль: «Он знает её. Он её знает. А мне не сказал».

— Я влюбилась.

Эшли оторвалась от чашки с чаем и посмотрела на Лили тем взглядом, которым обычно смотрят на человека, сообщившего, что он решил завести дома крокодила.

— Повтори.

— Влюбилась. В Алекса. — Лили сидела на диване, поджав ноги, и теребила край пледа. За окном темнело — октябрьские сумерки в Миннесоте наступают рано, как будто солнце торопится уйти на покой. — Я понимаю, это глупо. Мы знакомы всего ничего. Я ничего о нём не знаю. Ну, то есть знаю, но…

— Но? — Эшли поставила чашку на журнальный столик и развернулась всем телом.

— Но меня тянет к нему. И это сильнее меня. Я просыпаюсь и думаю: интересно, он уже встал? Я засыпаю и думаю: увижу ли я его завтра? Когда мы вместе, мне кажется, что всё

будет хорошо — по-настоящему, а не так, как я себе говорю, чтобы успокоиться. А когда он уходит, я чувствую себя как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Вот.

Она выдохнула и уставилась на свои руки. Эшли помолчала — с той особенной паузой, которая бывает у людей, умеющих слушать по-настоящему. Потом пересела ближе и обняла Лили за плечи.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Правда, понимаю. Когда я встретила Кайла, у меня было то же самое. Я знала его две недели и уже придумала, как назову наших детей.

— И как?

— Неважно. Важно другое: я тогда страшно боялась. Потому что чем сильнее чувство, тем больнее будет, если что-то пойдёт не так. Это нормально. Ты просто… не торопись. Не надо прямо сейчас решать, кто он для тебя — любовь всей жизни или проходной персонаж. Пусть время покажет. Время вообще умнее нас.

— Ты стала философом.

— Я стала встречаться с мужчиной, у которого есть друг-придурок. Это закаляет.

Лили рассмеялась — и смех получился почти лёгким. Почти.

Ночью пришло сообщение.

Телефон Лили лежал на тумбочке у кровати, и звук входящего СМС был похож на щелчок — негромкий, но в тишине чужой квартиры показавшийся оглушительным. Лили

протянула руку, ещё не до конца проснувшись, и глянула на экран. Номер был незнакомый — снова, снова незнакомый, другая комбинация цифр, чем в прошлый раз, но тоже пустая, без имени, без аватарки.

«Я видел, что вы целовались».

Сон слетел мгновенно, как будто кто-то вылил ведро ледяной воды. Лили села в кровати. Сердце билось где-то в горле, а пальцы, державшие телефон, внезапно стали влажными и холодными.

Телефон пиликнул снова.

«Ты предала меня. И я тебя накажу».

Она смотрела на экран — и буквы расплывались перед глазами. Кто-то видел их с Алексом. Кто-то следил за ней — не просто звонил и дышал в трубку, а реально, физически находился рядом. Стоял в темноте на Третьей улице, смотрел, как они целуются под фонарём, и Лили даже не почувствовала его присутствия.

Она вскочила, разбудила Эшли — и та, увидев сообщения, немедленно набрала Кайла. Через полчаса они сидели в гостиной втроём, пили чай, который никто не хотел, и строили планы. Утром — в полицию. Немедленно.

Утро выдалось серым и промозглым. Полицейский участок Литчфилда встретил Лили и Эшли всё тем же запахом хлорки, перегретого кофе и бумажной пыли. Но в этот раз всё пошло иначе. Лили ожидала, что её проведут в комнату для допросов, посадят на жёсткий стул и предложат воды

в пластиковом стаканчике — но вместо этого молодой офицер за стойкой, увидев её имя в журнале посещений, как-то странно подобрался и сказал:

— Детектив Морлок просил вас зайти. Он хотел с вами поговорить.

— Морлок? — Лили нахмурилась. — А где детектив Ковальски?

— Ковальски переведён. Дело теперь ведёт Морлок.

Новый детектив оказался человеком совсем другого склада. Если Ковальски был усталым, но сочувствующим — его серые глаза всё ещё умели видеть в свидетелях живых людей, а не просто источники информации, — то Морлок был сухим, как гербарий, и примерно таким же эмоционально подвижным. Лет сорока пяти, подтянутый, в безупречно отглаженном костюме, который в Литчфилде смотрелся так же чуждо, как фламинго на кукурузном поле. Волосы зачёсаны назад, на висках — седина. Глаза — тёмные, быстрые, ничего не упускающие. Он напомнил Лили бухгалтера, который знает, что цифры не сходятся, но ещё не выяснил, кто именно украл.

— Мисс Мартин. — Он не встал, просто указал на стул. — Хорошо, что вы пришли. Я как раз собирался направить вам повестку.

— Повестку? — Лили опустилась на стул, и ноги у неё были ватные. — О чём вы?

Морлок не ответил сразу. Он открыл папку — толстую,

пухлую, с цветными закладками по бокам — и разложил перед Лили ряд фотографий. Лица. Мужчины, женщины. Пять штук. Она узнала их — эти же лица показывали в новостях, когда объявляли о пропавших.

— Знаете кого-то из них? — спросил Морлок.

Лили склонилась над фотографиями. Майкл Донован — тот, с рыбалки. Роберт Кэссиди — нагловатое лицо, родинка на щеке. Две женщины, чьих имён она не запомнила. И Майя.

— Майю, — сказала она тихо. — И… её мужа. Но его здесь нет.

— Верно. — Морлок убрал фотографию мужа, которую Лили даже не заметила среди прочих. Потом он убрал и фото Майи. На столе остались только те, чьи тела нашли. Четверо. Двое мужчин, две женщины. — Взгляните ещё раз. Может быть, видели их? В кофейне? На улице? Где угодно?

Лили вглядывалась в лица — тщательно, старательно. Мужчина с усталой улыбкой. Женщина, похожая на библиотекаршу. Парень с родинкой. Ещё одна женщина — совсем молодая, почти девочка. Нет. Она не помнила их. Может, они и заходили в «У Джун» — в конце концов, кто в Литчфилде не заходил в «У Джун»? — но лица были чужими.

— Нет, — сказала она. — Я не помню.

Морлок помолчал. Потом достал из папки ещё одну фотографию — и Лили пожалела, что вообще проснулась сегодня утром.

Это был снимок с места преступления. Чья-то рука — просто рука, белая, безжизненная, с обломанными ногтями, — лежала на земле, среди прелых листьев и жухлой травы. На запястье были синяки — такие же, как у Майи. А на ладони, прямо по коже, шариковой ручкой был написан адрес.

Адрес кофейни «У Джун».

Лили почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Комната покачнулась. Она отвела взгляд, но картинка уже впечаталась в память — навсегда, как ожог. Адрес её работы, выведенный на мёртвой коже. Буквы немного плыли, как будто писавший торопился. Или как будто тот, на ком писали, ещё дышал.

— Это… — голос у неё сорвался. — Это та женщина? Из библиотеки?

— Да, — сказал Морлок, убирая фотографию. Слава богу, убирая. — Кэролайн Марш. Библиотекарь. Работала в Литчфилдской публичной библиотеке. Это единственная зацепка, которая у нас есть, и она ведёт прямиком в вашу кофейню. Поэтому, мисс Мартин, я вынужден попросить вас предоставить все записи с камер видеонаблюдения за последние два месяца. И задать вам несколько вопросов.

Лили смотрела на стол, где только что лежала фотография. Пятно света от лампы падало на деревянную столешницу, и в этом пятне кружилась пылинка — одна-единственная, крошечная, золотая.

— Это значит… — она облизала пересохшие губы, — это

значит, что убийца был в кофейне? Что я его видела?

— Возможно. — Морлок смотрел на неё в упор, и в его тёмных глазах не было ни сочувствия, ни тепла — только профессиональный интерес. — Возможно, вы подавали ему кофе. Возможно, он сидел за столиком в углу и улыбался вам. А вы и не подозревали.

Лили закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали лица посетителей — десятки, сотни лиц, знакомых и незнакомых. Кто из них? Мистер Хендрикс с его сальными шуточками? Миссис Гейбл с её пирогами и молитвами? Кто-то из студентов, которые забегали по вечерам за какао? Кто?

— Я не знаю, — сказала она. — Я правда не знаю.

Домой она вернулась в состоянии, близком к коллапсу. Эшли вела её под руку, а она шла, как сомнамбула, глядя прямо перед собой и не видя ничего. Адрес на ладони. Синяки на запястье. Обломанные ногти — она, наверное, пыталась сопротивляться. Царапала землю. Или его лицо.

Она позвонила Фрэнку. Он был в таком же ступоре — она слышала это по его голосу, по тому, как он повторял «господи, господи» и теребил, наверное, свой фартук, хотя был дома и фартука на нём не было.

— Фрэнк, — сказала Лили, — мне нужен отпуск. На месяц. Может, больше. Я не могу. Я больше не могу.

И Фрэнк — ворчливый, прижимистый Фрэнк, который трясся над каждой копейкой выручки, — не стал спорить.

— Конечно, — сказал он. — Бери. Мэл справится. Я най-

му кого-нибудь ещё. Береги себя, Лил.

И она повесила трубку, и ей стало одновременно легче и тяжелее — как бывает, когда сбрасываешь рюкзак после долгого похода: плечи радуются, но ноги всё ещё помнят каждый пройденный шаг.

Вечером она позвала Алекса на ужин к Эшли. Не для романтики — для совета. В последнее время каждый ужин превращался в военный совет, а кухня Эшли — в штаб. На этот раз собрались вчетвером: Лили, Эшли, Кайл и Алекс. На столе стояли тарелки с пастой, к которой никто почти не притронулся, и бутылка красного вина, которую кто-то открыл, но так и не разлил.

Лили пересказала всё — про сообщения, про Морлока, про руку с адресом. Когда она закончила, в комнате повисла тишина — такая, какая бывает после особо сильного удара грома, когда все ждут, не начнётся ли дождь.

— То есть он был в кофейне, — сказал Кайл. — Этот парень. Убийца. Он сидел там, заказывал кофе и смотрел на вас. На Майю. На Лили.

— Выходит, так, — сказала Лили.

— И тот, кто шлёт тебе сообщения, — Эшли нахмурилась, — это он же? Или кто-то другой?

— Неизвестно. Может, Дэрил. Может, муж Майи. Может, тот, кого мы вообще не знаем. Может, всё сразу. — Лили растёрла виски. — У нас куча вопросов и ни одного ответа.

Они строили догадки — одна невероятнее другой. Кто из

посетителей кофейни показался им странным? Кто из жителей Литчфилда мог быть способен на такое? Кайл предположил, что убийца — кто-то незаметный, кто сливается с фоном. Эшли — что это человек, которого никто не заподозрит, потому что он слишком «нормальный». Лили молчала, перебирая в уме лица. Мистер Хендрикс. Сосед с Такером. Фрэнк — но Фрэнк не мог, у него алиби на каждое исчезновение. Кто-то ещё? Она не знала.

Алекс почти ничего не говорил. Он сидел у окна, задумчиво вертя в пальцах ножку бокала, и свет уличного фонаря падал на его лицо, делая его старше и строже. Лили заметила, что он хмурится — но это была не тревога, а скорее напряжённая работа мысли.

— Что думаешь? — спросила она его, когда пауза затянулась.

— Что всё это очень странно, — сказал он. — Адрес на руке. Это послание. Он хотел, чтобы полиция пришла именно в кофейню. Он играет. Не просто убивает — играет.

— С кем?

— Не знаю. Может, с полицией. Может, с вами. Может, с кем-то ещё.

После ужина они с Алексом вышли прогуляться. Вечер был холодный, но сухой — первый сухой вечер за долгое время, и звёзды над Литчфилдом горели ярко, как будто их тоже наконец-то отмыли от октябрьской грязи. Они шли по Третьей улице в сторону парка, и их шаги звучали в тишине гул-

ко и одиноко. Город спал — или притворялся спящим.

Лили долго не решалась заговорить. Она чувствовала, как внутри неё зреет вопрос — тяжёлый, неудобный, — но слова не шли. Наконец она остановилась у старого дуба, чьи ветви нависали над дорожкой, как руки великана, и сказала:

— Откуда ты?

Алекс повернулся к ней. Свет фонаря падал на его лицо, и она видела каждую чёрточку — морщинку у глаз, тень от ресниц, едва заметную щетину на подбородке.

— Ты имеешь в виду — географически?

— Я имею в виду — всё. Где ты родился? Где твоя семья? Где ты живёшь? Мы целовались, и это было прекрасно, но я о тебе почти ничего не знаю. И это… это меня беспокоит. — Она запнулась. — Не в плохом смысле. Просто сейчас такое время, что я должна знать, кому доверяю. Понимаешь?

Алекс помолчал. Потом вздохнул — не раздражённо, а скорее с облегчением, как будто он давно ждал этого вопроса.

— Понимаю, — сказал он. — Ты права. Ты имеешь полное право знать. Я должен был рассказать раньше.

Он прислонился к стволу дуба и засунул руки в карманы пальто.

— Я родился в Чикаго. Отец — американец, мать — канадка. Когда мне было двенадцать, мы переехали в Торонто. Там я вырос, там пошёл в университет. Изучал историю, потом бросил — не хватило усидчивости. Потом начал пу-

тешествовать. Маленькие города, большие города, везде, где есть библиотека и интернет. На жизнь зарабатываю переводами — с французского, немецкого, немного с латыни. Семьи нет — родители умерли, братьев-сестёр не было. Живу один, квартира на окраине Литчфилда, которую снял три недели назад. Всё.

— Почему ты не рассказывал?

— Потому что я привык быть один. — Он улыбнулся — грустно, кривовато. — Одиноким людям кажется, что их прошлое никому не интересно. Я не думал, что это важно.

— Это важно, — сказала Лили. — Ты важен.

Она шагнула к нему — и он шагнул навстречу. Их губы встретились где-то посередине, и этот поцелуй был не похож на первый — в нём не было нежности, была жадность. Жажда. Голод. Его руки легли на её талию и притянули ближе — так близко, что она чувствовала биение его сердца через слои одежды. Её пальцы запутались в его волосах — они были мягкими и чуть влажными от вечерней сырости. От него пахло книжной пылью, бергамотом и чем-то ещё — чем-то, что она не могла назвать, но что заставляло её сердце биться чаще.

Они целовались долго — так долго, что звёзды успели сдвинуться на небе, а фонарь над скамейкой замигал и погас, оставив их в темноте. Лили не хотелось его отпускать. Она прижималась к нему всем телом, и каждый дюйм её кожи, казалось, звенел от напряжения и желания. Его ладонь

скользнула по её спине — медленно, изучающе, — и она почувствовала, как по позвоночнику пробегает дрожь, которую не объяснить октябрьским холодом.

— Я не хочу уходить, — прошептал он.

— И я не хочу, чтобы ты уходил.

— Но обстоятельства…

— К чёрту обстоятельства.

Она почувствовала, как он улыбается — губами, прижатыми к её виску.

— Завтра, — сказал он. — И послезавтра. И послепослезавтра. Мы справимся. Сначала нужно разобраться с тем, кто тебе угрожает. Обещаю — я развею все твои сомнения.

— Ты уже начал, — сказала она.

На следующий день Лили зашла в кофейню — просто проведать Мэл. Она чувствовала себя немного виноватой: оставила эту маленькую, хрупкую девушку одну, в месте, которое теперь казалось ей не уютным убежищем, а сценой для будущей трагедии. Но Мэл, казалось, совсем не переживала. Она порхала по залу, размахивая тряпкой, и напевала что-то из последнего альбома Florence and the Machine — у неё был хороший голос, чуть хрипловатый.

— О, Лили! — Она отложила тряпку и подбежала обнять её. От Мэл пахло кофе и ванилью. — Как ты? Выглядишь лучше. Ну, не хорошо, но лучше.

— Спасибо, наверное. — Лили усмехнулась. — Ты ничего подозрительного не видела?

— Подозрительного? — Мэл задумалась. — Мистер Хендрикс опять не оставил чаевых. Это подозрительно?

— Это норма. Я имею в виду — странных людей. Незнакомцев.

— В Литчфилде? Незнакомцев? — Мэл рассмеялась. — Тут каждый незнакомец — событие. Нет, всё как обычно. Ой, слушай, я тут разбирала кладовку — Фрэнк сказал, что пора выкинуть хлам, — и нашла коробку с вещами. По-моему, это Майи.

У Лили сжалось сердце.

Мэл принесла коробку — обычную картонную коробку из-под бумаги для принтера. Внутри лежали: блокнот для записи заказов — потрёпанный, с пятном от кофе на обложке; сменная форма — синяя рубашка поло с вышитым логотипом «У Джун»; фартук, который Майя так и не забрала из стирки; и фотография.

Лили взяла фотографию. Они с Майей стояли у стойки — это было прошлым летом, когда ещё ничего не случилось, когда синяки на запястьях Майи были только царапинами от кошачьих когтей (так она говорила, и Лили верила). Они обе смеялись. Майя держала в руках чашку с латте, и на пенке кто-то нарисовал сердечко.

Лили заплакала. Молча, без рыданий — просто слёзы потекли по лицу, и она не стала их вытирать.

Мэл обняла её — молча, без лишних слов. И это было правильно. Слова в такие моменты не нужны.

— Я заберу коробку, — сказала Лили, когда слёзы кончились. — Спасибо, что нашла.

— Конечно. — Мэл сжала её руку. — Береги себя, ладно? Ты хорошая. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— И ты береги себя, — сказала Лили. — Пожалуйста. Будь осторожнее. Если что-то покажется странным — сразу звони. Мне. В полицию. Кому угодно.

Мэл кивнула. И Лили ушла, прижимая коробку к груди.

Три дня спустя Алекс пригласил её к себе.

— Я приготовлю ужин, — сказал он. — Настоящий. Не китайская еда из картонки, не паста на скорую руку. Я хочу, чтобы у нас был нормальный вечер. Без страха. Без полиции. Без маньяков. Только ты и я.

И Лили согласилась. Она не знала, чего ожидать — квартира на окраине Литчфилда звучала не особенно романтично, — но когда она переступила порог, у неё перехватило дыхание.

В комнате горели свечи. Десятки маленьких огоньков, расставленных на подоконнике, на книжных полках, на столе. Их свет дрожал на стенах золотыми узорами. Пахло цветами — Лили увидела букет белых лилий на тумбочке, их аромат был сладким и густым, — и ещё чем-то пряным, восточным, наверное, благовониями. С тихим шипением они тлели в маленькой керамической чаше у окна, и дымок от них поднимался тонкой струйкой, закручиваясь в спирали. Стол был накрыт белой скатертью — Лили не знала, что у

него есть белая скатерть. На тарелках лежали салфетки, сложенные веером, и столовые приборы были разложены с той тщательностью, которая выдавала либо многолетнюю привычку, либо желание произвести впечатление.

Алекс вышел из кухни — в белой рубашке, закатанной до локтей, с полотенцем через плечо, и Лили подумала, что никогда не видела его таким. В баре он был загадочным незнакомцем, в библиотеке — тихим читателем, на улице — защитником. А здесь, дома, он был просто мужчиной, который приготовил ей ужин. И от этого зрелища у неё что-то дрогнуло внутри.

— Ты всё это сделал? — спросила она, оглядываясь.

— Я. Не думай, что я всегда так живу. Обычно тут книжный хаос и немытая чашка. Но сегодня особый случай.

— Какой?

— Ты.

Он улыбнулся — и его улыбка была тёплой, домашней, совсем не той загадочной полуулыбкой, которую она привыкла видеть.

Ужин был великолепен. Утка, запечённая с апельсинами, — корочка хрустела, а мясо таяло во рту, и апельсиновый соус был в меру сладким и в меру кислым; салат из рукколы с сыром фета, орехами и каплями бальзамического крема, похожими на тёмный жемчуг; тирамису — воздушное, пропитанное кофе и амаретто, — которое он, оказывается, сделал сам («Я три дня экспериментировал, первый блин вы-

шел комом, но этот — почти идеальный»). К ужину он открыл бутылку красного вина — что-то итальянское, с тягучим вкусом и долгим послевкусием. На столе стояла ваза с фруктами: виноград, инжир, гранат.

— Где ты научился так готовить? — спросила Лили, пробуя утку.

— Мать научила. Она говорила: если хочешь произвести впечатление на девушку, не води её в ресторан. Приготовь сам. Ресторан может быть чьим угодно, а ужин — только твоим.

— Твоя мать была мудрой женщиной.

— Она была французской канадкой. У них это в крови.

Пока Алекс открывал вторую бутылку вина, Лили встала и прошлась по комнате. Ей хотелось рассмотреть его жилище — не из праздного любопытства, а из желания понять его лучше. Квартира была небольшой, но уютной: диван, застеленный клетчатым пледом, пара кресел, торшер с зелёным абажуром, бросающий на стены мягкий круг света. Но главное — книги. Они были везде. На стеллажах, на подоконнике, на полу, стопками и вразнобой. Лили провела пальцем по корешкам, читая названия.

Брэм Стокер, «Дракула» — старое издание в потёртом переплёте. Анна Райс, «Интервью с вампиром» — зачитанное почти до дыр. Стивен Кинг, «Салимов удел» — она читала эту книгу в школе и потом боялась заходить в подвал. Рядом — книга «Охотник за разумом» Джона Дугласа, того самого

агента ФБР, который ловил серийных убийц. Ещё — биография Теда Банди, написанная Энн Рул. И биография Джека Потрошителя — старая, с золотым тиснением. Фэнтези про вампиров, криминалистика, история маньяков — странное соседство.

— Интересная у тебя библиотека, — сказала она.

— Я же говорил: история, особенно тёмная. — Алекс разливал вино по бокалам, и она не видела его лица. — Меня всегда интересовало, почему люди делают то, что делают. И как их ловят.

Лили кивнула и прошла дальше. На комоде стояли фотографии в рамках — она ожидала увидеть его родителей, но на снимках были в основном пейзажи: горы, озёра, какой-то европейский город с узкими улочками. И только одна фотография была с людьми — молодая пара, он и она, где-то на фоне Ниагарского водопада. Родители, догадалась Лили. У него были отцовские глаза и материнская улыбка.

Она вернулась к столу, и они продолжили ужин. Говорили о книгах. О путешествиях. О детстве — он рассказал, как впервые увидел океан в десять лет и как волна сбила его с ног, а отец смеялся, а мать ахала. Она рассказала, как росла в Литчфилде и мечтала уехать, но так и не уехала. Он спросил — почему? И она ответила: «Потому что здесь мои родители. Потому что я знаю здесь каждую улицу. Потому что иногда то, что мы ищем, находится не снаружи, а внутри». И он посмотрел на неё так, как будто она сказала что-то очень

важное.

После ужина он включил музыку. Медленный блюз — густой, тягучий, как патока. Би Би Кинг, «The Thrill Is Gone». Гитара плакала в полумраке, и голос — низкий, шершавый, — заполнял комнату.

— Потанцуем? — спросил он.

— Я не очень умею.

— Я тоже. Будем не уметь вместе.

Она вложила ладонь в его руку, и он притянул её к себе. Они танцевали медленно, почти не двигаясь с места, покачиваясь в такт музыке. Её голова лежала на его плече, и она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, спокойно, как маяк в шторм. Его рука лежала на её пояснице — тёплая, уверенная, — и через ткань платья она чувствовала каждое прикосновение, каждый палец.

Музыка закончилась, но они продолжали стоять, обнявшись.

— Я не хочу, чтобы этот вечер кончался, — прошептала она.

— Он и не кончится, — сказал он. — Мы просто перевернём страницу.

И он поцеловал её — медленно, тягуче, как тот блюз, который всё ещё звучал где-то на границе сознания. Его губы были тёплыми и мягкими, и она отвечала на поцелуй, запустив пальцы в его волосы, прижимаясь всем телом.

А потом свечи догорели, и комната погрузилась в полу-

мрак, освещённый только уличным фонарём за окном. Лили чувствовала, как его руки скользят по её телу — нежно, изучающе, — и каждое прикосновение отзывалось в ней волной тепла. Он целовал её шею, плечи, ключицы — и каждое прикосновение губ было как обещание. Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в ощущениях: запах его кожи, смешанный с ароматом благовоний; звук его дыхания, ставшего частым и прерывистым; тепло его тела, которое, казалось, обволакивало её целиком.

Они двигались в одном ритме — медленно, как танцевали минуту назад, — и Лили чувствовала, как исчезают все страхи, все тревоги, все мысли. Оставалось только настоящее: его руки, его губы, его шёпот. Он шептал её имя — и это было самым прекрасным звуком на свете.

Она не помнила, сколько времени прошло. Время потеряло значение, как теряет значение компас на Северном полюсе. Она помнила только, как они лежали потом, обессиленные и счастливые, и его пальцы рисовали на её коже невидимые узоры, а за окном занимался робкий октябрьский рассвет.

Позже, пока Алекс был в душе, Лили накинула его рубашку и прошлась по комнате. Спальня была маленькой, но уютной — кровать, застеленная серым бельём, торшер, ещё один книжный стеллаж, набитый до отказа. И письменный стол у окна. На столе лежали карандаши, ластик и стопка листов — эскизы, наброски. Лили взяла один, другой. Он рисовал де-

ревья, птиц, городские пейзажи — Дулут, набережную, озеро Лич. У него был талант — линии были точными, но не сухими, живыми.

И тут она увидела ещё один лист — он лежал чуть в стороне, наполовину прикрытый книгой. Лили отвела книгу, поднесла лист к свету — и замерла.

На рисунке было лицо. Женское. Тонкие черты, большие глаза, длинные волосы, падающие на плечи волнами. Сходство было абсолютным — не просто «похоже», а как фотография.

Агнесс.

Алекс нарисовал Агнесс.

Лили стояла с листом в руке и чувствовала, как внутри что-то рушится — тихо, беззвучно, как падает снег с ветки. Почему? Откуда он её знает? Он никогда не говорил, что встречал её. Он вообще не упоминал её — только когда Лили сама рассказывала о странной посетительнице кофейни. И тогда он спросил: «Что за Агнесс?» Как будто не был знаком. Как будто слышал впервые.

Вода в душе перестала шуметь. Лили быстро положила рисунок на место и отошла от стола. Сердце колотилось, и она не могла понять, что чувствует. Страх? Разочарование? Ревность? Нет. Скорее — холодную, липкую тревогу.

Алекс вышел из ванной — со свежим лицом, с мокрыми волосами, падающими на лоб, — и улыбнулся ей.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, — сказала Лили. — Всё хорошо.

Она не спросила про рисунок. Не сейчас. Возможно, у этого было простое объяснение. Возможно, они где-то встречались — случайно, мельком. Возможно, он видел её в кофейне и нарисовал по памяти.

Но в голове Лили, как заевшая пластинка, крутилась мысль: «Он знает её. Он её знает. А мне не сказал».

Эшли оторвалась от чашки с чаем и посмотрела на Лили тем взглядом, которым обычно смотрят на человека, сообщившего, что он решил завести дома крокодила.

— Повтори.

— Влюбилась. В Алекса. — Лили сидела на диване, поджав ноги, и теребила край пледа. За окном темнело — октябрьские сумерки в Миннесоте наступают рано, как будто солнце торопится уйти на покой. — Я понимаю, это глупо. Мы знакомы всего ничего. Я ничего о нём не знаю. Ну, то есть знаю, но…

— Но? — Эшли поставила чашку на журнальный столик и развернулась всем телом.

— Но меня тянет к нему. И это сильнее меня. Я просыпаюсь и думаю: интересно, он уже встал? Я засыпаю и думаю: увижу ли я его завтра? Когда мы вместе, мне кажется, что всё будет хорошо — по-настоящему, а не так, как я себе говорю, чтобы успокоиться. А когда он уходит, я чувствую себя как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Вот.

Она выдохнула и уставилась на свои руки. Эшли помолча-

ла — с той особенной паузой, которая бывает у людей, умеющих слушать по-настоящему. Потом пересела ближе и обняла Лили за плечи.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Правда, понимаю. Когда я встретила Кайла, у меня было то же самое. Я знала его две недели и уже придумала, как назову наших детей.

— И как?

— Неважно. Важно другое: я тогда страшно боялась. Потому что чем сильнее чувство, тем больнее будет, если что-то пойдёт не так. Это нормально. Ты просто… не торопись. Не надо прямо сейчас решать, кто он для тебя — любовь всей жизни или проходной персонаж. Пусть время покажет. Время вообще умнее нас.

— Ты стала философом.

— Я стала встречаться с мужчиной, у которого есть друг-придурок. Это закаляет.

Лили рассмеялась — и смех получился почти лёгким. Почти.

Ночью пришло сообщение.

Телефон Лили лежал на тумбочке у кровати, и звук входящего СМС был похож на щелчок — негромкий, но в тишине чужой квартиры показавшийся оглушительным. Лили протянула руку, ещё не до конца проснувшись, и глянула на экран. Номер был незнакомый — снова, снова незнакомый, другая комбинация цифр, чем в прошлый раз, но тоже пустая, без имени, без аватарки.

«Я видел, что вы целовались».

Сон слетел мгновенно, как будто кто-то вылил ведро ледяной воды. Лили села в кровати. Сердце билось где-то в горле, а пальцы, державшие телефон, внезапно стали влажными и холодными.

Телефон пиликнул снова.

«Ты предала меня. И я тебя накажу».

Она смотрела на экран — и буквы расплывались перед глазами. Кто-то видел их с Алексом. Кто-то следил за ней — не просто звонил и дышал в трубку, а реально, физически находился рядом. Стоял в темноте на Третьей улице, смотрел, как они целуются под фонарём, и Лили даже не почувствовала его присутствия.

Она вскочила, разбудила Эшли — и та, увидев сообщения, немедленно набрала Кайла. Через полчаса они сидели в гостиной втроём, пили чай, который никто не хотел, и строили планы. Утром — в полицию. Немедленно.

Утро выдалось серым и промозглым. Полицейский участок Литчфилда встретил Лили и Эшли всё тем же запахом хлорки, перегретого кофе и бумажной пыли. Но в этот раз всё пошло иначе. Лили ожидала, что её проведут в комнату для допросов, посадят на жёсткий стул и предложат воды в пластиковом стаканчике — но вместо этого молодой офицер за стойкой, увидев её имя в журнале посещений, как-то странно подобрался и сказал:

— Детектив Морлок просил вас зайти. Он хотел с вами

поговорить.

— Морлок? — Лили нахмурилась. — А где детектив Ковальски?

— Ковальски переведён. Дело теперь ведёт Морлок.

Новый детектив оказался человеком совсем другого склада. Если Ковальски был усталым, но сочувствующим — его серые глаза всё ещё умели видеть в свидетелях живых людей, а не просто источники информации, — то Морлок был сухим, как гербарий, и примерно таким же эмоционально подвижным. Лет сорока пяти, подтянутый, в безупречно отглаженном костюме, который в Литчфилде смотрелся так же чуждо, как фламинго на кукурузном поле. Волосы зачёсаны назад, на висках — седина. Глаза — тёмные, быстрые, ничего не упускающие. Он напомнил Лили бухгалтера, который знает, что цифры не сходятся, но ещё не выяснил, кто именно украл.

— Мисс Мартин. — Он не встал, просто указал на стул. — Хорошо, что вы пришли. Я как раз собирался направить вам повестку.

— Повестку? — Лили опустилась на стул, и ноги у неё были ватные. — О чём вы?

Морлок не ответил сразу. Он открыл папку — толстую, пухлую, с цветными закладками по бокам — и разложил перед Лили ряд фотографий. Лица. Мужчины, женщины. Пять штук. Она узнала их — эти же лица показывали в новостях, когда объявляли о пропавших.

— Знаете кого-то из них? — спросил Морлок.

Лили склонилась над фотографиями. Майкл Донован — тот, с рыбалки. Роберт Кэссиди — нагловатое лицо, родинка на щеке. Две женщины, чьих имён она не запомнила. И Майя.

— Майю, — сказала она тихо. — И… её мужа. Но его здесь нет.

— Верно. — Морлок убрал фотографию мужа, которую Лили даже не заметила среди прочих. Потом он убрал и фото Майи. На столе остались только те, чьи тела нашли. Четверо. Двое мужчин, две женщины. — Взгляните ещё раз. Может быть, видели их? В кофейне? На улице? Где угодно?

Лили вглядывалась в лица — тщательно, старательно. Мужчина с усталой улыбкой. Женщина, похожая на библиотекаршу. Парень с родинкой. Ещё одна женщина — совсем молодая, почти девочка. Нет. Она не помнила их. Может, они и заходили в «У Джун» — в конце концов, кто в Литчфилде не заходил в «У Джун»? — но лица были чужими.

— Нет, — сказала она. — Я не помню.

Морлок помолчал. Потом достал из папки ещё одну фотографию — и Лили пожалела, что вообще проснулась сегодня утром.

Это был снимок с места преступления. Чья-то рука — просто рука, белая, безжизненная, с обломанными ногтями, — лежала на земле, среди прелых листьев и жухлой травы. На запястье были синяки — такие же, как у Майи. А на ла-

дони, прямо по коже, шариковой ручкой был написан адрес.

Адрес кофейни «У Джун».

Лили почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Комната покачнулась. Она отвела взгляд, но картинка уже впечаталась в память — навсегда, как ожог. Адрес её работы, выведенный на мёртвой коже. Буквы немного плыли, как будто писавший торопился. Или как будто тот, на ком писали, ещё дышал.

— Это… — голос у неё сорвался. — Это та женщина? Из библиотеки?

— Да, — сказал Морлок, убирая фотографию. Слава богу, убирая. — Кэролайн Марш. Библиотекарь. Работала в Литчфилдской публичной библиотеке. Это единственная зацепка, которая у нас есть, и она ведёт прямиком в вашу кофейню. Поэтому, мисс Мартин, я вынужден попросить вас предоставить все записи с камер видеонаблюдения за последние два месяца. И задать вам несколько вопросов.

Лили смотрела на стол, где только что лежала фотография. Пятно света от лампы падало на деревянную столешницу, и в этом пятне кружилась пылинка — одна-единственная, крошечная, золотая.

— Это значит… — она облизала пересохшие губы, — это значит, что убийца был в кофейне? Что я его видела?

— Возможно. — Морлок смотрел на неё в упор, и в его тёмных глазах не было ни сочувствия, ни тепла — только профессиональный интерес. — Возможно, вы подавали ему

кофе. Возможно, он сидел за столиком в углу и улыбался вам. А вы и не подозревали.

Лили закрыла глаза. Перед внутренним взором проплывали лица посетителей — десятки, сотни лиц, знакомых и незнакомых. Кто из них? Мистер Хендрикс с его сальными шуточками? Миссис Гейбл с её пирогами и молитвами? Кто-то из студентов, которые забегали по вечерам за какао? Кто?

— Я не знаю, — сказала она. — Я правда не знаю.

Домой она вернулась в состоянии, близком к коллапсу. Эшли вела её под руку, а она шла, как сомнамбула, глядя прямо перед собой и не видя ничего. Адрес на ладони. Синяки на запястье. Обломанные ногти — она, наверное, пыталась сопротивляться. Царапала землю. Или его лицо.

Она позвонила Фрэнку. Он был в таком же ступоре — она слышала это по его голосу, по тому, как он повторял «господи, господи» и теребил, наверное, свой фартук, хотя был дома и фартука на нём не было.

— Фрэнк, — сказала Лили, — мне нужен отпуск. На месяц. Может, больше. Я не могу. Я больше не могу.

И Фрэнк — ворчливый, прижимистый Фрэнк, который трясся над каждой копейкой выручки, — не стал спорить.

— Конечно, — сказал он. — Бери. Мэл справится. Я найму кого-нибудь ещё. Береги себя, Лил.

И она повесила трубку, и ей стало одновременно легче и тяжелее — как бывает, когда сбрасываешь рюкзак после долгого похода: плечи радуются, но ноги всё ещё помнят каж-

дый пройденный шаг.

Вечером она позвала Алекса на ужин к Эшли. Не для романтики — для совета. В последнее время каждый ужин превращался в военный совет, а кухня Эшли — в штаб. На этот раз собрались вчетвером: Лили, Эшли, Кайл и Алекс. На столе стояли тарелки с пастой, к которой никто почти не притронулся, и бутылка красного вина, которую кто-то открыл, но так и не разлил.

Лили пересказала всё — про сообщения, про Морлока, про руку с адресом. Когда она закончила, в комнате повисла тишина — такая, какая бывает после особо сильного удара грома, когда все ждут, не начнётся ли дождь.

— То есть он был в кофейне, — сказал Кайл. — Этот парень. Убийца. Он сидел там, заказывал кофе и смотрел на вас. На Майю. На Лили.

— Выходит, так, — сказала Лили.

— И тот, кто шлёт тебе сообщения, — Эшли нахмурилась, — это он же? Или кто-то другой?

— Неизвестно. Может, Дэрил. Может, муж Майи. Может, тот, кого мы вообще не знаем. Может, всё сразу. — Лили растёрла виски. — У нас куча вопросов и ни одного ответа.

Они строили догадки — одна невероятнее другой. Кто из посетителей кофейни показался им странным? Кто из жителей Литчфилда мог быть способен на такое? Кайл предположил, что убийца — кто-то незаметный, кто сливается с фоном. Эшли — что это человек, которого никто не заподо-

зрит, потому что он слишком «нормальный». Лили молчала, перебирая в уме лица. Мистер Хендрикс. Сосед с Такером. Фрэнк — но Фрэнк не мог, у него алиби на каждое исчезновение. Кто-то ещё? Она не знала.

Алекс почти ничего не говорил. Он сидел у окна, задумчиво вертя в пальцах ножку бокала, и свет уличного фонаря падал на его лицо, делая его старше и строже. Лили заметила, что он хмурится — но это была не тревога, а скорее напряжённая работа мысли.

— Что думаешь? — спросила она его, когда пауза затянулась.

— Что всё это очень странно, — сказал он. — Адрес на руке. Это послание. Он хотел, чтобы полиция пришла именно в кофейню. Он играет. Не просто убивает — играет.

— С кем?

— Не знаю. Может, с полицией. Может, с вами. Может, с кем-то ещё.

После ужина они с Алексом вышли прогуляться. Вечер был холодный, но сухой — первый сухой вечер за долгое время, и звёзды над Литчфилдом горели ярко, как будто их тоже наконец-то отмыли от октябрьской грязи. Они шли по Третьей улице в сторону парка, и их шаги звучали в тишине гулко и одиноко. Город спал — или притворялся спящим.

Лили долго не решалась заговорить. Она чувствовала, как внутри неё зреет вопрос — тяжёлый, неудобный, — но слова не шли. Наконец она остановилась у старого дуба, чьи ветви

нависали над дорожкой, как руки великана, и сказала:

— Откуда ты?

Алекс повернулся к ней. Свет фонаря падал на его лицо, и она видела каждую чёрточку — морщинку у глаз, тень от ресниц, едва заметную щетину на подбородке.

— Ты имеешь в виду — географически?

— Я имею в виду — всё. Где ты родился? Где твоя семья? Где ты живёшь? Мы целовались, и это было прекрасно, но я о тебе почти ничего не знаю. И это… это меня беспокоит. — Она запнулась. — Не в плохом смысле. Просто сейчас такое время, что я должна знать, кому доверяю. Понимаешь?

Алекс помолчал. Потом вздохнул — не раздражённо, а скорее с облегчением, как будто он давно ждал этого вопроса.

— Понимаю, — сказал он. — Ты права. Ты имеешь полное право знать. Я должен был рассказать раньше.

Он прислонился к стволу дуба и засунул руки в карманы пальто.

— Я родился в Чикаго. Отец — американец, мать — канадка. Когда мне было двенадцать, мы переехали в Торонто. Там я вырос, там пошёл в университет. Изучал историю, потом бросил — не хватило усидчивости. Потом начал путешествовать. Маленькие города, большие города, везде, где есть библиотека и интернет. На жизнь зарабатываю переводами — с французского, немецкого, немного с латыни. Семьи нет — родители умерли, братьев-сестёр не было. Жи-

ву один, квартира на окраине Литчфилда, которую снял три недели назад. Всё.

— Почему ты не рассказывал?

— Потому что я привык быть один. — Он улыбнулся — грустно, кривовато. — Одиноким людям кажется, что их прошлое никому не интересно. Я не думал, что это важно.

— Это важно, — сказала Лили. — Ты важен.

Она шагнула к нему — и он шагнул навстречу. Их губы встретились где-то посередине, и этот поцелуй был не похож на первый — в нём не было нежности, была жадность. Жажда. Голод. Его руки легли на её талию и притянули ближе — так близко, что она чувствовала биение его сердца через слои одежды. Её пальцы запутались в его волосах — они были мягкими и чуть влажными от вечерней сырости. От него пахло книжной пылью, бергамотом и чем-то ещё — чем-то, что она не могла назвать, но что заставляло её сердце биться чаще.

Они целовались долго — так долго, что звёзды успели сдвинуться на небе, а фонарь над скамейкой замигал и погас, оставив их в темноте. Лили не хотелось его отпускать. Она прижималась к нему всем телом, и каждый дюйм её кожи, казалось, звенел от напряжения и желания. Его ладонь скользнула по её спине — медленно, изучающе, — и она почувствовала, как по позвоночнику пробегает дрожь, которую не объяснить октябрьским холодом.

— Я не хочу уходить, — прошептал он.

— И я не хочу, чтобы ты уходил.

— Но обстоятельства…

— К чёрту обстоятельства.

Она почувствовала, как он улыбается — губами, прижатыми к её виску.

— Завтра, — сказал он. — И послезавтра. И послепослезавтра. Мы справимся. Сначала нужно разобраться с тем, кто тебе угрожает. Обещаю — я развею все твои сомнения.

— Ты уже начал, — сказала она.

На следующий день Лили зашла в кофейню — просто проведать Мэл. Она чувствовала себя немного виноватой: оставила эту маленькую, хрупкую девушку одну, в месте, которое теперь казалось ей не уютным убежищем, а сценой для будущей трагедии. Но Мэл, казалось, совсем не переживала. Она порхала по залу, размахивая тряпкой, и напевала что-то из последнего альбома Florence and the Machine — у неё был хороший голос, чуть хрипловатый.

— О, Лили! — Она отложила тряпку и подбежала обнять её. От Мэл пахло кофе и ванилью. — Как ты? Выглядишь лучше. Ну, не хорошо, но лучше.

— Спасибо, наверное. — Лили усмехнулась. — Ты ничего подозрительного не видела?

— Подозрительного? — Мэл задумалась. — Мистер Хендрикс опять не оставил чаевых. Это подозрительно?

— Это норма. Я имею в виду — странных людей. Незнакомцев.

— В Литчфилде? Незнакомцев? — Мэл рассмеялась. — Тут каждый незнакомец — событие. Нет, всё как обычно. Ой, слушай, я тут разбирала кладовку — Фрэнк сказал, что пора выкинуть хлам, — и нашла коробку с вещами. По-моему, это Майи.

У Лили сжалось сердце.

Мэл принесла коробку — обычную картонную коробку из-под бумаги для принтера. Внутри лежали: блокнот для записи заказов — потрёпанный, с пятном от кофе на обложке; сменная форма — синяя рубашка поло с вышитым логотипом «У Джун»; фартук, который Майя так и не забрала из стирки; и фотография.

Лили взяла фотографию. Они с Майей стояли у стойки — это было прошлым летом, когда ещё ничего не случилось, когда синяки на запястьях Майи были только царапинами от кошачьих когтей (так она говорила, и Лили верила). Они обе смеялись. Майя держала в руках чашку с латте, и на пенке кто-то нарисовал сердечко.

Лили заплакала. Молча, без рыданий — просто слёзы потекли по лицу, и она не стала их вытирать.

Мэл обняла её — молча, без лишних слов. И это было правильно. Слова в такие моменты не нужны.

— Я заберу коробку, — сказала Лили, когда слёзы кончились. — Спасибо, что нашла.

— Конечно. — Мэл сжала её руку. — Береги себя, ладно? Ты хорошая. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— И ты береги себя, — сказала Лили. — Пожалуйста. Будь осторожнее. Если что-то покажется странным — сразу звони. Мне. В полицию. Кому угодно.

Мэл кивнула. И Лили ушла, прижимая коробку к груди.

Три дня спустя Алекс пригласил её к себе.

— Я приготовлю ужин, — сказал он. — Настоящий. Не китайская еда из картонки, не паста на скорую руку. Я хочу, чтобы у нас был нормальный вечер. Без страха. Без полиции. Без маньяков. Только ты и я.

И Лили согласилась. Она не знала, чего ожидать — квартира на окраине Литчфилда звучала не особенно романтично, — но когда она переступила порог, у неё перехватило дыхание.

В комнате горели свечи. Десятки маленьких огоньков, расставленных на подоконнике, на книжных полках, на столе. Их свет дрожал на стенах золотыми узорами. Пахло цветами — Лили увидела букет белых лилий на тумбочке, их аромат был сладким и густым, — и ещё чем-то пряным, восточным, наверное, благовониями. С тихим шипением они тлели в маленькой керамической чаше у окна, и дымок от них поднимался тонкой струйкой, закручиваясь в спирали. Стол был накрыт белой скатертью — Лили не знала, что у него есть белая скатерть. На тарелках лежали салфетки, сложенные веером, и столовые приборы были разложены с той тщательностью, которая выдавала либо многолетнюю привычку, либо желание произвести впечатление.

Алекс вышел из кухни — в белой рубашке, закатанной до локтей, с полотенцем через плечо, и Лили подумала, что никогда не видела его таким. В баре он был загадочным незнакомцем, в библиотеке — тихим читателем, на улице — защитником. А здесь, дома, он был просто мужчиной, который приготовил ей ужин. И от этого зрелища у неё что-то дрогнуло внутри.

— Ты всё это сделал? — спросила она, оглядываясь.

— Я. Не думай, что я всегда так живу. Обычно тут книжный хаос и немытая чашка. Но сегодня особый случай.

— Какой?

— Ты.

Он улыбнулся — и его улыбка была тёплой, домашней, совсем не той загадочной полуулыбкой, которую она привыкла видеть.

Ужин был великолепен. Утка, запечённая с апельсинами, — корочка хрустела, а мясо таяло во рту, и апельсиновый соус был в меру сладким и в меру кислым; салат из рукколы с сыром фета, орехами и каплями бальзамического крема, похожими на тёмный жемчуг; тирамису — воздушное, пропитанное кофе и амаретто, — которое он, оказывается, сделал сам («Я три дня экспериментировал, первый блин вышел комом, но этот — почти идеальный»). К ужину он открыл бутылку красного вина — что-то итальянское, с тягучим вкусом и долгим послевкусием. На столе стояла ваза с фруктами: виноград, инжир, гранат.

— Где ты научился так готовить? — спросила Лили, пробуя утку.

— Мать научила. Она говорила: если хочешь произвести впечатление на девушку, не води её в ресторан. Приготовь сам. Ресторан может быть чьим угодно, а ужин — только твоим.

— Твоя мать была мудрой женщиной.

— Она была французской канадкой. У них это в крови.

Пока Алекс открывал вторую бутылку вина, Лили встала и прошлась по комнате. Ей хотелось рассмотреть его жилище — не из праздного любопытства, а из желания понять его лучше. Квартира была небольшой, но уютной: диван, застеленный клетчатым пледом, пара кресел, торшер с зелёным абажуром, бросающий на стены мягкий круг света. Но главное — книги. Они были везде. На стеллажах, на подоконнике, на полу, стопками и вразнобой. Лили провела пальцем по корешкам, читая названия.

Брэм Стокер, «Дракула» — старое издание в потёртом переплёте. Анна Райс, «Интервью с вампиром» — зачитанное почти до дыр. Стивен Кинг, «Салимов удел» — она читала эту книгу в школе и потом боялась заходить в подвал. Рядом — книга «Охотник за разумом» Джона Дугласа, того самого агента ФБР, который ловил серийных убийц. Ещё — биография Теда Банди, написанная Энн Рул. И биография Джека Потрошителя — старая, с золотым тиснением. Фэнтези про вампиров, криминалистика, история маньяков — странное

соседство.

— Интересная у тебя библиотека, — сказала она.

— Я же говорил: история, особенно тёмная. — Алекс разливал вино по бокалам, и она не видела его лица. — Меня всегда интересовало, почему люди делают то, что делают. И как их ловят.

Лили кивнула и прошла дальше. На комоде стояли фотографии в рамках — она ожидала увидеть его родителей, но на снимках были в основном пейзажи: горы, озёра, какой-то европейский город с узкими улочками. И только одна фотография была с людьми — молодая пара, он и она, где-то на фоне Ниагарского водопада. Родители, догадалась Лили. У него были отцовские глаза и материнская улыбка.

Она вернулась к столу, и они продолжили ужин. Говорили о книгах. О путешествиях. О детстве — он рассказал, как впервые увидел океан в десять лет и как волна сбила его с ног, а отец смеялся, а мать ахала. Она рассказала, как росла в Литчфилде и мечтала уехать, но так и не уехала. Он спросил — почему? И она ответила: «Потому что здесь мои родители. Потому что я знаю здесь каждую улицу. Потому что иногда то, что мы ищем, находится не снаружи, а внутри». И он посмотрел на неё так, как будто она сказала что-то очень важное.

После ужина он включил музыку. Медленный блюз — густой, тягучий, как патока. Би Би Кинг, «The Thrill Is Gone». Гитара плакала в полумраке, и голос — низкий, шершавый,

— заполнял комнату.

— Потанцуем? — спросил он.

— Я не очень умею.

— Я тоже. Будем не уметь вместе.

Она вложила ладонь в его руку, и он притянул её к себе. Они танцевали медленно, почти не двигаясь с места, покачиваясь в такт музыке. Её голова лежала на его плече, и она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, спокойно, как маяк в шторм. Его рука лежала на её пояснице — тёплая, уверенная, — и через ткань платья она чувствовала каждое прикосновение, каждый палец.

Музыка закончилась, но они продолжали стоять, обнявшись.

— Я не хочу, чтобы этот вечер кончался, — прошептала она.

— Он и не кончится, — сказал он. — Мы просто перевернём страницу.

И он поцеловал её — медленно, тягуче, как тот блюз, который всё ещё звучал где-то на границе сознания. Его губы были тёплыми и мягкими, и она отвечала на поцелуй, запустив пальцы в его волосы, прижимаясь всем телом.

А потом свечи догорели, и комната погрузилась в полумрак, освещённый только уличным фонарём за окном. Лили чувствовала, как его руки скользят по её телу — нежно, изучающе, — и каждое прикосновение отзывалось в ней волной тепла. Он целовал её шею, плечи, ключицы — и каждое

прикосновение губ было как обещание. Она закрыла глаза и позволила себе раствориться в ощущениях: запах его кожи, смешанный с ароматом благовоний; звук его дыхания, ставшего частым и прерывистым; тепло его тела, которое, казалось, обволакивало её целиком.

Они двигались в одном ритме — медленно, как танцевали минуту назад, — и Лили чувствовала, как исчезают все страхи, все тревоги, все мысли. Оставалось только настоящее: его руки, его губы, его шёпот. Он шептал её имя — и это было самым прекрасным звуком на свете.

Она не помнила, сколько времени прошло. Время потеряло значение, как теряет значение компас на Северном полюсе. Она помнила только, как они лежали потом, обессиленные и счастливые, и его пальцы рисовали на её коже невидимые узоры, а за окном занимался робкий октябрьский рассвет.

Позже, пока Алекс был в душе, Лили накинула его рубашку и прошлась по комнате. Спальня была маленькой, но уютной — кровать, застеленная серым бельём, торшер, ещё один книжный стеллаж, набитый до отказа. И письменный стол у окна. На столе лежали карандаши, ластик и стопка листов — эскизы, наброски. Лили взяла один, другой. Он рисовал деревья, птиц, городские пейзажи — Дулут, набережную, озеро Лич. У него был талант — линии были точными, но не сухими, живыми.

И тут она увидела ещё один лист — он лежал чуть в сторо-

не, наполовину прикрытый книгой. Лили отвела книгу, поднесла лист к свету — и замерла.

На рисунке было лицо. Женское. Тонкие черты, большие глаза, длинные волосы, падающие на плечи волнами. Сходство было абсолютным — не просто «похоже», а как фотография.

Агнесс.

Алекс нарисовал Агнесс.

Лили стояла с листом в руке и чувствовала, как внутри что-то рушится — тихо, беззвучно, как падает снег с ветки. Почему? Откуда он её знает? Он никогда не говорил, что встречал её. Он вообще не упоминал её — только когда Лили сама рассказывала о странной посетительнице кофейни. И тогда он спросил: «Что за Агнесс?» Как будто не был знаком. Как будто слышал впервые.

Вода в душе перестала шуметь. Лили быстро положила рисунок на место и отошла от стола. Сердце колотилось, и она не могла понять, что чувствует. Страх? Разочарование? Ревность? Нет. Скорее — холодную, липкую тревогу.

Алекс вышел из ванной — со свежим лицом, с мокрыми волосами, падающими на лоб, — и улыбнулся ей.

— Всё в порядке? — спросил он.

— Да, — сказала Лили. — Всё хорошо.

Она не спросила про рисунок. Не сейчас. Возможно, у этого было простое объяснение. Возможно, они где-то встречались — случайно, мельком. Возможно, он видел её в кофей-

не и нарисовал по памяти.

Но в голове Лили, как заевшая пластинка, крутилась мысль: «Он знает её. Он её знает. А мне не сказал».

Глава 8